

Юлиана Королёва

ЭЙДОС
НЕПОКОРЁННЫЙ

18+

Юлиана Королёва

Эйдос непокорённый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40497077

SelfPub; 2024

Аннотация

Рыжик живет на планете Эйдос в изолированной религиозной общине, где учат, что мир за стенами мёртв. Пытаясь докопаться до правды, она находит доказательства обратного и наталкивается на загадочный артефакт, который срастается с ней. Теперь, по закону общины, Рыжику грозит смерть. Единственный способ выжить – сбежать и выяснить, с чем она столкнулась, пройдя по миру, о котором она знает только из книг. Ей придётся выяснить, кто раньше жил на Эйдосе, что за катастрофа произошла на планете, а главное – какое наследие оставили давние предки, и какие отношения ко всему имеет она.

Содержание

Глава 1. Чужак	5
Глава 2. Плен	41
Глава 3. Метка	58
Глава 4. Амфитеатр	80
Глава 5. Чёрная смерть	98
Глава 6. Побег	109
Глава 7. Эйдос	123
Глава 8. Тоннели	138
Глава 9. Друг или враг	155
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Юлиана Королёва
Эйдос непокорённый

Глава 1. Чужак

Планета Эйдос. Время неизвестно

Строки в старой пыльной тетради, словно густой туман, обволакивают сознание, размывая границы реальности и наполняя разум шёпотом чужих мыслей о том, что наше истинное предназначение скрыто за гранью понимания, а наш привычный мир – ложь.

Красиво выведенные буквы оглушают, ослепляют, лишают бдительности: кажется, я не дышу. Кто написал такое? Как ему позволили? Только голоса, пробившись в хаос безумно скачущих мыслей, возвращают меня в реальность. Звуки приходят снаружи, мышцы сковывает, будто я внезапно упала в ледяное озеро. Осторожно выглядываю в распахнутое окно: четверо советников на тропинке к обсерватории, – так близко! Что им здесь нужно? Они за мной? Невозможно. Никто не должен был видеть, как я сбежала с молений и пробралась сюда.

Непосвящённым, вроде меня, здесь нельзя находиться, но переживать об этом поздно. Голоса доносятся теперь из коридора, стук подошв внизу, на ступеньках. Деваться некуда, только прятаться и молиться, чтобы не нашли. Если пойма-

ют, запрут на три декады в одиночной келье, а то и с позором выгонят из подмастерий. Не хочется провести остаток жизни в загонах с баркатами, убирая за ними навоз.

От этой мысли меня пронзает дрожь, и я мчусь к полкам с томами по астрономии, протискиваясь между плотно набитыми стеллажами. Но вдруг останавливаюсь, замирая среди рядов древних изданий, посвящённых галактикам, чёрным дырам и загадкам происхождения Вселенной. Это опасно: книги слишком стары, и стоит сделать неловкий шаг – они рассыпятся в прах.

Прятаться лучше за томами по астрофизике, они прочнее, но там столько пыли, что можно выдать себя случайным чихом.

Мечусь среди стеллажей и замираю у перил антресольного этажа, глядя вниз и прислушиваясь. Они ещё не вошли, но стук подошв слышится чётче. Лёгкий ветер из открытого окна шелестит страницами тетради, которую я забыла на столе вместе с отмычкой. Дерьмо баркачье! Нельзя оставлять улики! Бросаюсь назад, хватаю, запикиваю рукопись обратно в тайник под полом и тут же протискиваюсь за самый большой стеллаж с древними молитвенниками. Слишком узко, дальше никак, и обратно тоже. Кто-то придвинул стеллаж и испортил одно из моих тайных укрытий? Зачем?! Рывок позволяет освободиться. С полки падает книга, но я успеваю её поймать и тихонько просунуть на место. Повезло, что не наделала шума.

Времени нет, надо спрятаться. За нерасторопность отругаю себя после.

У входной двери есть отличный шкаф, но внутри всё забито бумагой и письменными принадлежностями. Спрячусь прямо за ним, только бы успеть.

Выбираюсь из укрытия, сбегая по узкой винтовой лестнице, перепрыгивая через ступеньки, соскальзываю по перилам, проношусь мимо гигантского телескопа. В последний момент влетаю за шкаф, обдирая локти о пыльную каменную стену.

Дверь распахивается, четверо быстро проходят внутрь и останавливаются посреди зала.

Я почти не дышу. Кожу саднит. Кусаю губы, чтобы не выдать себя, сердце вот-вот выскочит из груди.

– Говорите, – разносится громкий голос. – Тут нас не услышат. В чём дело, Батья-Ир?

Ох, и она здесь? Нельзя попадаться ей на глаза. Моя бывшая наставница теперь глава Совета, в её руках слишком много власти, что чревато огромными неприятностями.

– Это недопустимо! – рывкает Батья-Ир резко и недовольно.

Я вздрагиваю.

– Мы все в опасности! Из-за стены ничто не должно проникать в обитель! Тем более такое! – продолжает она.

У меня мурашки бегут по коже. Что попало к нам снаружи, чтобы настолько её разозлить? Именно разозлить, а не

напугать. Она просто вне себя от гнева, но при чём тут опасность?

Что-то случилось, и сейчас им не до меня. Выдыхаю тихо и осторожно. За шкафом так тесно, что за две минуты у меня затекло всё тело.

– То, что вы предлагаете – уму непостижимо! – перебивает настойчивый хриплый голос мастера Гиллада.

Он стар, мудр, строг, но справедлив, и если выяснит, что я залезла в Обсерваторию и подслушала их разговор, может одарить меня внеплановыми дежурствами в аптеке, а мне и без того хлопот хватает.

– В Аллидионе мы не лишаем людей жизни просто так! – продолжает он.

Неужели кто-то провинился? Подобные меры у нас редки. Мне становится дурно, я ведь тоже не без греха. Прямо сейчас подслушиваю тайный разговор советников в месте, куда без разрешения вход запрещён. Простой факт, что я подмастерье архивариуса и занимаюсь переписыванием старых книг, не спасёт меня от наказания. Книги из Обсерватории нельзя видеть даже мне, и это неспроста. Тетрадь, которую я сегодня нашла, содержит невероятные знания о внешнем мире – то, о чём не знает никто. Будь они выдумкой, прятали бы её в тайнике? Судя по толстому слою пыли, тетради не касались лет сто. «Всё не то, чем кажется», написано там. Но где? Внутри или снаружи?

– Тогда... эм-м... пускай сделает это сам. Законно – через

ритуал реинкарнации, – предлагает советник с неприятным сиплым голосом, чьего имени я не помню.

Они постоянно меняются, а я не слежу за политикой в обители. Так о чьей жизни идёт речь, на кого Совет так сильно разозлён и за какую провинность?

– Он же ещё мальчишка! И ничего не помнит! – заступается мастер Гиллад. – Мы никогда не проводили реинкарнацию чужаков. Что, если этим ритуалом вы его убьёте?!

– Ну и хорошо. Я поддерживаю, – соглашается Батья-Ир. – Чем быстрее с ним покончим, тем лучше. И неважно как.

– Пусть поверит, что он один из нас, и живёт.

Узнаю старческий голос архивариуса, мастера Тэ. Плохо дело. Столкнуться с ним всё равно что с Батьей-Ир. Он попросту откажется от меня, это будет позор.

– Дикарь из-за стены такой же человек, он нам не угроза, – продолжает мастер Тэ.

Кажется, я ослышалась. Из-за стены? Но это невозможно!

– Ещё какая угроза! Не человек он, а выродок, – выплёвывает главная советница. – Чужакам здесь не место!

Ощущение, словно из меня вышибли дух. Выходит, в тетради сказано правда – мы не единственные выжившие, и за стенами обители живут люди! Мои догадки оказались верны? Но кто этот мальчишка? Где его держат? Это ведь живой очевидец! Надо найти его, пусть всё расскажет, и незачем будет тайком лазать в Обсерваторию за ответами! Почему нас не пускают во внешний мир? Что там за стеной?

Сколько ещё людей? Как они жили в тех ужасных условиях?

– Я вам кое-что покажу. – Звук шагов мастера Гиллада эхом разносится по залу, и тяжёлая книга с глухим стуком приземляется на стол. – Древний закон гласит: «Если в обитель забрёл чужак, он может остаться, если поклянётся не покидать стен обители». Проверьте сами.

Мастер Гиллад всегда умел поставить её на место, предъявив факты. Недовольное ворчание Батьи-Ир отзывается во мне мимолётным удовольствием от маленькой победы. Поделом!

Она спорит с советниками о судьбе мальчишки из-за стены, голоса сливаются в хаотичный гул, в котором невозможно разобрать слова. Накал страстей растёт.

– Хватит! – рявкает Батья-Ир, стукнув чем-то по столу. Все смолкают. – Я выслушала достаточно ваших аргументов. Будь по-вашему, пусть остаётся, он всё равно ничего не помнит. Приставьте к нему наблюдателя, чтобы убедил его, в чём потребуется. Такого, кому он сможет доверять. И следите за обоими, я должна быть в курсе каждого их шага! Но не дай святые Демиурги он что-то учудит, будет по-моему!

В её голосе полно недовольства. Батья-Ир не привыкла уступать, и решение Совета ей явно не по душе.

Я сжимаюсь, когда она торопливо шагает к двери и громко хлопает ею, будто желая подчеркнуть свой протест. Пыль и крошево сыплются с потолка прямо на меня, в носу начинает свербеть.

Пока остальные советники покидают зал, я стараюсь слиться с тенью, но внезапный чих предательски вырывается сам по себе. Ужас сковывает мышцы, и я инстинктивно зажимаю рот руками, стараясь сдержать дыхание. Но поздно, тонкий луч света, только что проникавший за шкаф, заслоняет крупная тень. Голос мастера Гиллада пронзает напряжённую тишину:

– Рыжик?!

Я встречаю его удивлённый взгляд и виновато опускаю глаза, ожидая бурю, но ругательства не следуют. Он продолжает смотреть на меня, молча, будто оценивая ситуацию. Наказания теперь не избежать. Любые оправдания бесполезны – в голове панически крутятся мысли, что меня накажут не только за подслушивание, но и за то, что собрала на балахон вековой слой пыли.

– Тебе повезло, что я выходил последним, – ворчит старик.

Он отворачивается, снова впуская свет в моё ненадёжное укрытие, и я слышу, как он шагает в противоположную сторону зала и открывает окно. Молчит какое-то время. Странно, что не сердится.

– Советники уже не вернутся, – наконец говорит он.

Я робко выбираюсь из-за шкафа и подхожу. Мастер Гиллад ещё стоит у окна, слабый сквозняк играет с его седыми волосами, придержанными очками на резинке. Время тянется, пока он молчит, и я не могу понять, что происходит в

его голове, не могу посмотреть ему в глаза и не перестаю ругать себя за невнимательность. Слишком увлеклась интересной тетрадью. Уж очень хотела понять, как анонимный автор узнал, что находится по ту сторону стены, если никогда за пределами обители не был. Только его не спросишь, он жил здесь сто лет назад.

– Сколько дежурств? – сразу перехожу к делу, чтобы избежать долгих прелюдий.

Мастер Гиллад отходит от окна, складывает руки за спиной и устало вздыхает.

– Думаешь, я не знаю, что ты ходишь сюда тайком?

Его голос звучит устало, но в нём нет строгости, которой я боялась.

– Откуда? – удивляюсь я, не понимая, где могла просчитаться. – Почему ты молчал?

Сердце бьётся быстро, в голове всё путается, а мастер Гиллад продолжает смотреть с тем же тихим укором, словно видит меня насквозь.

– Совет запрещает читать старые книги. Но ведь без мудрости прошлого нам не построить лучшего будущего, так? – Его кустистые седые брови вопросительно поднимаются, и морщины на лбу складываются в гармошку.

Я рассеянно киваю. Не ожидала, что наши мнения настолько схожи, приятно это знать.

– Жаль, что со мной в Совете согласны немногие. Молодым нужны все знания мира, именно поэтому я не хотел,

чтобы ты ограничилась только одним делом, как это обычно бывает, и не настаивал.

Гордость всё ещё греет внутри: он выбрал меня, предложил стать подмастерьем лекаря – это огромная честь. Но я не смогла его принять. Пошла к архивариусу, к мастеру Тэ.

– Не дави на жалость, мастер Гиллад. Ты знаешь, что я не переносу вида крови. Но из уважения к тебе стараюсь преодолеть этот недуг и понемногу учусь.

Когда крови нет, уроки проходят спокойно. Но на одной теории далеко не уйдёшь, а лекарь без практики – лишь тень настоящего специалиста. Зато я с удовольствием читаю древние тексты и оттачиваю каллиграфию, хотя мастер Тэ постоянно недоволен. Но он ворчун и всегда всем недоволен.

– Не подлизывайся. За то, что попалась, придётся ответить. Пока никаких обсерваторий. И архива, пожалуй.

Моё сердце сжимается: неужели он действительно собирается выгнать меня из архива после всего, что сказал?

– Но...

– Тебя ждёт сложная задача. Она займёт всё твоё время. А в следующий раз, если решишь сюда вернуться, следи, чтобы даже я тебя не застал.

– Даю слово, мастер Гиллад! – радуюсь я.

Кивнув, он направляется к двери, открывает и оборачивается:

– Чего стоишь? Задание уже началось!

Я почти бегу за ним, сердце колотится, а мысли роятся,

как пчёлы в улье. Мы молча покидаем обсерваторию, быстро движемся по аллеям, кивая каждому встречному святоше, но ощущение, что я всё глубже погружаюсь в неизвестность, с каждым шагом усиливается.

Мастер Гиллад явно не желает обсуждать задание на улице. Всё и так ясно: меня ждут дежурства, и загадочную тетрадь, автора которой так интересовало, как мы на самом деле живём, я дочитать не успею. В следующий раз подготовлюсь получше и заранее проверю, где можно скрыться, если советники снова решат обсудить дела в обсерватории.

Когда мы входим в здание клиники, прохладный воздух, пропитанный антисептиком резко возвращает меня к реальности. Мы поднимаемся на второй этаж, но вместо того, чтобы свернуть к кабинету мастера Гиллада, уходим в восточное крыло и останавливаемся у самой дальней двери. Его глаза сурово блестят в полумраке коридора.

– Прежде чем я открою, – строго говорит мастер Гиллад, – тебе придётся уяснить: то, что ты слышала, и то, что увидишь сейчас, не должен знать больше никто. Это тебе не прятки в обсерватории. Всё очень серьёзно, на кону стоят жизни, теперь и твоя, раз уж ты в курсе. Если проболтаешься хоть кому, то знаешь, что с тобой сделает Батья-Ир.

Я сглатываю нервный комок и киваю, покрываясь мурашками в предвкушении тайны.

– Честное слово. Обещаю хранить эту тайну.

– Не надо мне твоих обещаний. Достаточно, что ты пони-

маешь, насколько опасное у нас тут дело. – Он толкает дверь.

Внутри свет приглушен, антисептиком пахнет ещё сильнее. Но дыхание перехватывает от увиденного: в единственной койке у стены кто-то спит, укрытый одеялом. Неужели тот самый дикарь из-за стены?!

Мастер Гиллад не произносит ни слова, но по его взгляду ясно: мне предстоит следить за пациентом.

Парень выглядит немного старше меня, может, ему лет двадцать пять, но определить трудно – его голова перевязана, лицо опухло, один глаз заплыл, губы разбиты, на шее синие следы от пальцев. Я чувствую, как кровь отливает от лица.

– Святые баркаты! Кто его так? За что?

Мой голос срывается от потрясения.

В голове не укладывается, чтобы кто-то из наших святош мог на такое решиться. Здесь, в обители, такого не случилось никогда. Да и парень с виду не из слабаков – вон какие плечи.

Всё это кажется каким-то нелепым кошмаром.

– Не богохульствуй мне тут! – сердится мастер Гиллад, закрывая за нами дверь. – По официальной версии он упал с большого дерева, ударился головой, и ему отшибло память. Постарайся, чтобы он тоже так думал.

– Но его же очевидно избили! Ты хочешь, чтобы я ему соврала? – Я пытаюсь осмыслить его слова, но они словно отскакивают от стен моего сознания.

– Ему и всем, кто спросит. Ради твоей и его безопасно-

сти. Для всех он непосвящённый с севера обители. Там живёт группа затворников, они редко сюда заходят, так что люди поверят.

– А если он что-нибудь вспомнит?

– Наша с тобой задача, сделать так, чтобы этого не случилось. Иначе он умрёт ни за что. Ты же слышала Батью-Ир?

Я киваю, но мысли уже блуждают в другой стороне. Всё это притворство, ложь, в которую мне предлагают играть, кажется неправильным. Но если я теперь втянута, то нужно идти до конца. Вот только сердце рвётся на части: я не хочу, чтобы он жил в забвении. Нужно, чтобы он вспомнил хоть что-то и рассказал о том мире, что скрыт за стеной.

Год спустя

Дождь льёт весь вечер, ручейками бежит по дорожкам, громко лупит по лужам. Холодный ветер пробирается за шиворот и кажется, что проникает под кожу. Под раскаты грома и вспышки молний я торопливо ковыряюсь в замке отмычкой, то и дело поглядывая по сторонам. Пока никого, на это я и рассчитывала, ведь сегодня ежегодный праздник – идеальное время, чтобы вытащить Макса, пока все на праздничном молебне. Волнуюсь, вздрагиваю от каждого шороха и замираю: вдруг, несмотря на погоду, кому-то захочется проверить, как пленник проводит праздничный вечер в одиночной келье? Храм отсюда далеко, но всякое может случиться. Если не преуспею с замком, Макса казнят, а я этого не вынесу.

– Рыжик, что так долго? – слышится из-за двери его взвол-

нованный голос. – Говори, что не получается, я подскажу.

Руки трясутся, дождь щекочет лицо, шпилька то и дело норовит выскользнуть из мокрых пальцев. А ещё плохо видно, свет фонарика слишком тусклый для такого занятия.

– Уже почти, – крихчу я, наконец услышав долгожданный щелчок замка.

Облегчённо выдыхаю – получилось! Распахиваю дверь, и луч моего фонаря врывается в тёмную келью. В ореоле света вырисовывается бледная, похудевшая физиономия. Я прекрасно понимаю, каково сидеть шесть декад взаперти и одиночестве, питаюсь сухим хлебом, водой и молитвами.

Макс щурится от света. На жёсткие скулы падают отросшие завитки волос. В чёрных, как космос, глазах сверкают искорки.

– Хвала богам! – радуется он.

Лохматый, заросший, Макс выходит и крепко обнимает меня. Несмотря на последствия диеты, он всё ещё сильный, и кажется, что треснут рёбра, но так приятно ощутить его вновь! Пропитался благовониями насквозь, хотя это ерунда. Они здесь повсюду.

– Я тоже скучала, но надо спешить. Ещё успеем наобниматься.

Макс отпускает меня, я захлопываю дверь, подхватываю сумку с продуктами и бросаю взгляд на небо: дождь и не думает кончаться. Но ничего, не растаем. Зато шанс наткнуться на святош по пути к Башне минимален. А учитывая, что

сегодня празднуют Астрелию – сведён к нулю.

Я схожу с тропы, чтобы пройти мимо аллеи через сад. Он густой, как лес, там дождь нас не застанет, и можно затеряться среди деревьев. Макс торопится за мной.

– Постой. – Он берёт меня за плечо и останавливает у лавки под раскидистым деревом. Дождь тарабанит по листьям где-то вверху. – Я думал, ты вернёшься на праздник! Это же Астрелия!

Никогда не понимала, что особенного в том, что Эйдос совершил очередной триста девяносто четвёртый виток вокруг Астры. Всё осталось прежним. Чему радоваться? Что планета не сорвалась с орбиты и не унеслась в открытый космос?

– Хочешь сбежать один? Нет уж. Я тоже хочу узнать, что там, откуда ты родом.

– А что, если я не оттуда?

– Стоило посидеть в одиночке, и ты поверил, что упал с дерева и тебе отшибло память?

Мысленно усмехаюсь: более нелепой сказки от советников я не слышала. Может, я бы в неё поверила, если бы не увидела собственными глазами, в каком состоянии был Макс в день нашего знакомства.

– Нет, но... Слушай, это неважно. Батья-Ир меня убьёт, так что выбора нет, я готов рискнуть, – рассуждает Макс. Его голос становится серьёзным, как и взгляд, пронзающий насквозь. – Рыжик, никто не сбежал из Аллидиона.

– Кто-то сбежал. По слухам, это было слишком давно,

и говорили, будто беглеца за стенами постигла незавидная участь.

Но сам факт, что этот некто смог, придаёт мне уверенности.

– Эта затея близка к провалу. Если попадёшься ты, одиночкой уже не отделаешься.

Если попадусь, неприятности будут серьёзными, но ведь не казнят же меня за попытку побега. Здесь так не поступают – самые суровые наказания сводятся к лишению ранга, грязным работам или отлучению от профессии. Случай с Максом исключение, Батья-Ир хотела сделать это с самого начала, а мастер Гиллад лишь оттянул неизбежное.

– У нас всё получится. Мы выберемся, и больше никто не запретит нам быть вместе.

Слова слетают с губ с неожиданной уверенностью, которую я и сама ощущаю не полностью. Только взгляд Макса полон сомнений, но он берёт меня за руку, сжимая её так крепко, что немеют пальцы.

Мои ладони начинают потеть, страх пробирается под кожу. Макс прав: отсюда нет выхода, кроме того, что под строжайшим запретом. Никто из святош даже не подумает переступить эту грань, а я... Я уже отказалась от клятвы Демиургам. Без священного ранга кара мне не грозит, а даже если бы и грозила, я не собираюсь оставаться здесь без Макса.

Мы нахлобучиваем капюшоны и выдвигаемся в путь.

– В сумке припасы? – интересуется он.

Приоткрываю и показываю содержимое: вяленое мясо, сыр, баркачье молоко, кусок пирога, немного фруктов из сада – результат моего сегодняшнего дежурства на кухне. Макс бросает голодный взгляд, и я протягиваю ему сумку. Не хочу, чтобы он упал в обморок по пути.

– Конечно. Надо же тебя откармливать.

Он выхватывает кусок мяса и на ходу вгрызается.

– Ммм! Пиффя богов, – бормочет он с набитым ртом.

Ещё бы! Молитвами не наешься, у них нет вкуса и запаха. И пользы от них никакой. Да и разве боги когда-нибудь отвечают? В пустых молитвах, что растворяются в тишине, я вижу лишь упущенные возможности: мудрость древних знаний медленно гибнет в темноте и пыли старого архива, пока люди взывают к безмолвным богам.

С другой стороны, пока все заняты молитвами, я могу прокрасться в обсерваторию и поискать запрещённое и любопытное чтиво. Например, книги для Доверенных. Только им позволено узнать о прошлом Эйдоса: что росло, какие водились животные, какими были города и культура до катастрофы. Им это нужно, чтобы исследовать континент.

– Нашла что-нибудь новое про эксперимент? – спрашивает Макс.

– Только то, что нам уже известно: ты здесь не прижился, эксперимент провален. Теперь Батья-Ир боится, что ты всё вспомнишь, и в Аллидионе начнутся беспорядки.

– Она навечно заперла две тысячи человек в этом пропи-

танном молитвами и благовониями мирке, – ворчит по дороге Макс. – Конечно, не хочет, чтобы он развалился, иначе потеряет власть, потому и врёт, что жалкий клочок земли за стенами едва ли пригоден для жизни.

– Видишь? Без твоих воспоминаний можно догадаться, что от нас скрывают жизнь за пределами обители.

Становится горько от осознания, что люди слепо верят Завету Демиургов, их строгим догмам и запретам, и безоговорочно подчиняются Совету под началом Батьи-Ир. Как убедить их в чём-то ином? Нас мало кто станет слушать, а тем, кто нам поверил, не хватит духу пойти против неё, даже с поддержкой в лице мастера Гиллада.

– Народ побоится разгневать Демиургов и в наказание лишиться права на реинкарнации. Батья-Ир напрасно паникует.

Слова Макса обрываются в ночном воздухе, а я лишь качаю головой, как будто пытаюсь сбросить с себя тень сомнений.

– Ты знаешь, в истории ни разу не упоминалось, чтобы кто-то их лишился. Виновный отсиживается в одиночной келье и всё – он чист и снова готов к перерождению. Может, она беспокоится, что люди однажды это поймут и придут к ненужным ей выводам.

Мы быстро пересекаем сад, где вековые деревья склонили кроны к земле, защищая нас от хлещущего дождя. Вход в Башню Демиургов уже виднеется сквозь густой сумрак и пе-

лену ливня, прорезающего нашу тропу к спасению. Башня, возвышающаяся над Аллидионом, хранит в себе тайны, но для нас она больше – это врата в мир, настоящий мир, который видят лишь Доверенные. Только им дозволено заходить в Башню – это святыня. Попастся нам никак нельзя.

Возле лиан с огромными листьями, растущими книзу, мы останавливаемся и переглядываемся, призраки нашего тайного союза словно касаются нас, и жар поднимается к лицу. Макс загадочно улыбается мне, я вижу в его глазах отражение наших тайных встреч – под этими самыми лианами мы прятались, как в шалаше, и позволяли себе всё, о чём мужчине и женщине в Аллидионе запрещено даже подумать. Но всем известно, что этот закон – лишь видимость, тут главное не попасться. Вот только никто не может объяснить, зачем его придумали, для устрашения или пущего контроля? Ведь близость не несёт плохих последствий, кроме разве что разочарований.

Мы выбираемся из зарослей, подходим к небольшому мосту через водоём, окружающий Башню, и останавливаемся отдышаться. Дождь нарушает привычную гладь пруда звонкими всплесками капель. Людей не слышно и не видно, кроме нас, у подножия Башни никого. В этом есть что-то успокаивающее.

– Ты уверена? – тихо говорит Макс, блуждая взглядом по чернеющим контурам Башни.

Я тоже всякий раз робею перед ней. Громадина из чёрного

металла пугает и восхищает одновременно, внушает благоговейный трепет. Загадочное сооружение Демиургов словно не от мира сего – могучий стержень нашего скромного мира, окружённого густым лесом и неприступной стеной скал. Корнями она врастает в гору, вершиной пронзает облака и, будто бутон на рассвете, раскрывает горизонтальные ряды гигантских парусов, подставляя их Астре, а вечерами закрывает вновь.

Нам предстоит незаконно забраться на самую вершину к дирижабельной станции Доверенных и воспользоваться единственным в Аллидионе путём во внешний мир.

Страх охватывает меня, словно ледяные пальцы пробегают по позвоночнику. Оглядываюсь на Макса – его лицо отражает ту же гамму эмоций, что испытываю я. Мы на грани, но эта грань – единственный выход из заточения. Мурашки бегут по коже, только я не отступлюсь. Да, страшно, но выбора нет.

– Уверена в тебе или вообще? – опомнившись, я отвечаю на вопрос Макса, а в голове всё ещё роятся тревожные мысли.

– Во мне. Я могу не вспомнить, как управлять дирижаблем.

От его сомнений внутри нарастает беспокойство, но стараюсь его заглушить.

– Ты постоянно их рисуешь. Ты даже пытался собрать один из хлама в сарае! Мастер Гиллад считает, что ты был

тесно с ними связан. Я тоже так считаю. Ты разбираешься в сложных устройствах интуитивно, но это не просто так. У тебя есть знания.

Кого я только что пыталась убедить, его или себя? Это не работает, мандраж не проходит.

– Надеюсь, вы с ним правы.

Я тоже. Та микстура, блокирующая память, которую велела давать Макс Батья-Ир, могла ему и навредить. Но иначе было нельзя, от этого зависела его жизнь. Только последнюю декаду, планируя побег, я выливала её по дороге из клиники и заменяла обычной водой, сожалея, что не сделала этого раньше. Макс всё вспомнит. Должен.

– Он Мастер, ему виднее. Ещё он сказал: как только ты увидишь что-то знакомое из прошлой жизни, память вернётся. Что касается моей уверенности, я хочу быть с тобой.

Макс улыбается, быстро и нежно целует меня. Заставлю его побриться, как только будет возможность.

В древнем трактате говорится, будто сбежать с любимым романтично, но никакой романтики я не ощущаю, только холодок за шиворотом и непреодолимое желание поскорее добраться до цели. Ко входу в Башню я подхожу на негнущихся ногах.

Порог и арка сделаны людьми, но на самом корпусе гиганта нет привычных дверных ручек, и двери тоже нет – сплошной монолит из чёрного металла. Прикладываю к нему ладонь, как делают Доверенные, и перед нами мгновенно раз-

верзается продолговатая дыра. Оттуда веет холодной опасностью, страшно идти в неизвестность, но, взявшись за руки, мы, шагаем вперёд.

Молнии нас не поражают. Внутри темно, как пасмурной ночью в алидионском лесу, и тишина такая, что слышно, как кровь бежит по венам. Прохладный воздух пахнет неестественно, оттенок незнакомой химии едва уловим. Куда идти сначала непонятно, но через несколько шагов на стенах появляются мерцающие голубые огоньки и тянутся вперёд, подсвечивая путь. Мы следуем за ними по извилистому коридору, словно букашки, только в отличие от насекомых, ищем лестницу наверх.

Башня кажется пустой, безжизненной, и от этой пустоты становится не по себе. Что священного в пустой Башне?

Добытые мелким шпионажем сведения об указателях, которые ещё недавно успешно вели нас, вдруг перестают помогать – голубые огоньки исчезают. На миг я теряюсь, куда дальше? В недоумении прохожу вперёд, возвращаюсь назад, оглядываюсь: мы не могли заблудиться, должно быть, пропустили поворот. Этого следовало ожидать: Башня – неизведанный лабиринт.

Беспокойство нарастает, обволакивает темнотой, которая грозит поглотить, если я сделаю неверный шаг. Что дальше? Где большая винтовая лестница наверх?

– Грёбанные Доверенные! – Голос Макса рокочет в пустоте, и я вздрагиваю. – Так и знал, что наврут. Все они брехливые.

– Но только они знают ходы Башни, – отвечаю я полушёпотом, чем призываю его быть потише.

– Они многое знают, только никому не рассказывают. Ты же не к Зелигу обращалась? – с подозрением интересуется Макс.

– После того, что он с тобой сделал? За кого ты меня принимаешь? – сержусь я. – Противно подумать об этом наглom, самодовольном куске баркачьего дерьма.

Но мой ответ его будто бы не удовлетворяет.

– Тем не менее его все обожают.

– Потому что не знают, на что он способен.

Толкаю его в плечо, Макс останавливается и оборачивается. В его глазах злые отблески.

– Он слишком много внимания тебе уделяет.

– Я не все. И хватит об этом. Я послала Мирима на предподготовку к Доверенным. В этом году ему как раз пора выбирать себе профессию, так что Зелиг и другие ничего не заподозрят.

Если бы я лично выпрашивала их тайны, они бы легко сложили два и два и уже поджидали нас тут.

– Ты решила, что мелкий станет подмастерьем Доверенных и разболтает тебе все секреты? – усмехается Макс. – Он слишком правильный.

– Я бы сама пошла в подмастерья, но они берут только мальчишек.

– И не зря. Так что там выяснил твой подопечный?

Мне кажется ужасно несправедливым, что девушек не берут, а Макс ещё и поддерживает их. Неприятно такое от него слышать. На чьей он стороне?

– Ми́рим сказал: «Там есть стрелки – треугольники такие. Светятся голубым, указывают направление к большой винтовой лестнице». Так что хватит дурака валять! Ищи стрелки!

Даже в самых фантастических снах я не видела светящихся стрелок. Однако в Башне всё слишком необычное, потому что создано Демиургами.

– Мне кажется, твой братец метит в святоши рангом повыше. – Макс шагает впереди, заглядывая за каждый поворот.

– В советники? Да ну. Это он тебе сказал?

Макс кивает. Если он правильно всё понял, то Мирим сделал хороший выбор, хотя прежде я не замечала у него склонности к политике. Мне становится грустно. Я уйду с Максом и больше никогда не увижу Мирима. Но на днях мы отпраздновали его четырнадцатый день возрождения, он совсем взрослый и способен позаботиться о себе, ему больше не нужна нянька. А мне хочется жить без ежедневных молений, святош и въедливых наставниц, в мире, где никто не посадит меня в одиночную келью за то, что прочитала книгу. Жить без указки и управлять собственной жизнью – моя мечта.

– Нет здесь стрелок! Может, вернёмся, пока никто не ви-

дел, что мы сюда ходили? – ошеломляет меня Макс.

– С ума сошёл? Хочешь смертельную инъекцию? – Чувствую, что надаю ему пинков за такие идеи.

Неожиданно издалека доносятся шаги и едва слышимые голоса. Холодок пробегает по спине, мы с Максом испуганно переглядываемся. Неужели погоня? Почему святоши не на празднике? Они где-то в Башне, но ещё слишком далеко от нас, трудно разобрать их слова.

– Дерьмо баркачье! Бежим! – Хватаю его за руку и тяну за собой в темноту коридора.

– Куда?! Не туда! – Он заставляет меня повернуть направо.

Здесь голоса слышатся чётче. Кажется, они нас ищут. Порция адреналина вливается в кровь, словно кто-то открыл краны в моих венах. Теперь он управляет мной. Как они узнали?

– Назад! Там голубое свечение!

Мы возвращаемся на первоначальный путь, и не зря: впереди действительно стрелки. Мы просто немного не дошли.

– Проклятье! – шепчет Макс, когда мы останавливаемся сориентироваться и отдышаться. – Если нас поймают, скажу, что пошёл сюда сам, а ты погналась за мной, чтобы остановить.

– Нет. Не работает.

– Мне хуже не будет, – пыхтит он, – а тебя накажут.

Я, конечно, рискую репутацией, местом подмастерья, уют-

ной кельей – всем образом жизни, к которой привыкла, но свобода того стоит.

– Давай постараемся не попасться!

Мы бежим по узким коридорам, но шаги преследователей не отстают. В какой-то момент они затихают. Слушают? Мы тоже замираем и прислушиваемся. Дышим быстро и тяжело. Я поворачиваюсь к Макс, но в полумраке вижу лишь силуэт. Что, если он и впрямь ничего не вспомнит, когда мы дойдём до дирижабля? Микстура работала безотказно, он даже настоящего имени не вспомнил, пока жил среди нас. Говорил лишь, будто отголоски прошлого в его памяти, как светлячки – мигнули огоньком и тут же исчезли, ухватиться не за что. Вся надежда на интуицию. Он ведь разбирается в механике – в самых сложных поломках. Мастера выстраивались в очередь, чтобы наблюдать за его работой. Всё получится, надо только не попасться святошам.

– Идём. Тихонько! – шепчу ему на ухо.

Мы крадёмся по подсвеченному голубыми огоньками коридору, на его стенах объёмный геометрический орнамент, и вдруг между фигур появляются древние глифы: «Технические каналы». Я же говорила! Не представляю, для чего они Демиургам. Скорее всего, надпись сделали люди, но именно об этой лестнице и упоминал Мирим. Полупрозрачные, ни с чем не соединённые ступеньки ввинчиваются в темноту. Как по ним подниматься, если они ни на чём не держатся?

Макс присвистывает, глядя вверх. Я пихаю его локтем в

бок, но поздно. Топот и голоса возвращаются, и теперь они ближе, чем раньше, но получается можно разобрать слова: «Они где-то здесь, я их слышу» и «Далеко не уйдут. Они не знают путей».

Дерьмо баркачье! Макс осторожно ставит ногу на первую ступеньку, она не проваливается, а вполне выдерживает вес. Переходит на следующую: всё так же.

– Обычная лестница. Не бойся. – Он оборачивается и протягивает мне руку.

Я хватаюсь, и мы поднимаемся. Взлетаем по ступенькам быстро, как только можем. Вскоре они заканчиваются, и мы оказываемся в новом коридоре. Стены здесь из странного пористого материала, будто губка, потолок сводчатый, словно мы в длинной трубе. Освещение слабое, но хотя бы видно, куда наступать, только без стрелок непонятно, в какую сторону идти. Коридор впереди разветвляется. Мы стоим у развилки и тяжело дышим, пока приближаются шаги и голоса: «Они могли пойти к пролому. Это вероятнее», «Идите туда, а мы осмотримся здесь».

К какому ещё пролому? Холодок скользит по спине, и сердце ускоряется. Пролом – это вымысел, его придумали люди, чтобы пугать друг друга байками о приходящих снаружи страшных зверях.

– Грёбанные Доверенные! – рывкает Макс и бьёт кулаком по стене, и в тот же миг в ней образуется проход.

Мы одновременно замираем и переглядываемся. Мирим

сказал, ничего не трогать, но я не успела озвучить эту мысль, решив, что это само собой разумеющееся, ведь мы в запретном священном месте.

Макс хватает меня за руку и ведёт внутрь. Проход тут же исчезает, звуки преследования пропадают, мы стоим и оглядываемся. Это большая круглая комната с ячеистыми, как в коридоре, стенами. Похоже, мы здесь в безопасности. Надо дожидаться, пока святоши пройдут мимо, и только потом возвращаться в коридор.

Ячейки, словно по сигналу, неожиданно выбрасывают сотни мелких искр. Меня сковывает страх, Макс с опаской, но и любопытством наблюдает за ними. Искры вьются вокруг светлячками, разлетаются, ускоряются, мечутся, сталкиваясь и вспыхивая; мы медленно пятимся к стене, а они, не обращая на нас внимания, упорядочиваются, выстраиваются концентрическими кругами в понятную картину. Теперь перед нами натуральная звёздная система в миниатюре, и я теряю дар речи. Отскакиваю от полыхающего пламенного шара, чтобы не обжечься, но не успеваю, и он проходит сквозь ладонь. Ощущений никаких, словно коснулась пустоты. Как такое возможно?

Семь разноцветных шариков-планет катятся вокруг звезды. Точно, как на карте древнего тома по астрономии: планеты большие, маленькие, средние, с кольцами и спутниками. Что это за божественное явление?

Определённо Демиурги побывали на Эйдосе и оставили

след в виде Башни с её содержимым, и теперь втихаря наблюдают, как мы с идиотскими выражениями лиц изучаем их наследие. Для чего им такое развлечение? Им, Демиургам – высшим существам, живущим в космическом просторе, невидимом смертным тварям. Они либо играют с нами, либо давно позабыли.

– Святые шестерёнки! – Макс первым приходит в себя. – Астрономическая карта нашей системы! Мне показывала сестра.

– Во сне? – усмехаюсь я. – Никто из сестёр не мог тебе такого показывать.

– Нет. Не из ваших. Моя родная сестра. – Макс протягивает руку, чтобы коснуться мерцающей точки, но пальцы проходят насквозь. – Я вспомнил, что у меня была сестра.

На его лице замешательство, а я облегчённо выдыхаю. Отказ от микстуры сработал, и воспоминания начинают возвращаться, только нужны знакомые вещи.

Значит, у Макса есть сестра, что лишний раз подтверждает жизнь за стеной. Но откуда у неё технология Демиургов? Что она с ней делала?

Мимо нас проплывает Эйдос с двумя спутниками – Близнецами – четвёртая планета от Астры, не самая большая. Единственный континент неровной кляксой расплылся над поверхностью океана, размахом в три четверти планеты, прямо как в учебнике. Не удивлюсь, если на этом крошечном шарике можно разглядеть и горную гряду, и даже Аллидион

на самой высокой из них, а в нём и нас.

– Что ещё ты вспомнил? Где она? Как её зовут?

Макс хмурится, становится угрюмым и задумчивым.

– Это всё, – отвечает он.

Я в полном замешательстве стою и молча наблюдаю, как над нами образуются галактики и туманности, множатся, всё отдаляясь, и превращаются в бесконечный эфир Вселенной. И вдруг весь этот космос – вся красота – стремительно и хаотично разлетается, отскакивая будто от невидимых стен, набирает скорость, разгорается и вспыхивает так ярко, что становится невыносимо смотреть и приходится зажмуриться. И наступает тьма.

– Пора сваливать, – спохватывается Макс, дёргая меня за рукав. – Пока можем.

Он хмурится и озирается в поисках выхода, хлопает по стене, и она выпускает нас в коридор, из которого мы сюда забрели. Снаружи пустота и тишина, так что мы смело продолжаем путь.

Комната с космосом быстро остаётся позади, светящиеся треугольники оказываются теперь на полу и ведут дальше. Возвращаются матовые стены коридора, изъеденные геометрическими узорами и незнакомой вязью, полумрак и лёгкая химическая дымка, не похожая ни на что. Ощущение, будто мы внутри свёрнутого трубочкой догорающего свитка.

Тусклый голубой треугольник, наконец, указывает на длинный коридор, и приглушённый свет являет нам продол-

говатую арку, а дальше – тупик.

Макс резко останавливается и разворачивается.

– Назад!

– Нет, стой!

Я хватаю его за рукав и останавливаю. Разглядываю странную конструкцию, словно очерчивающую вход. Его нет, но эта арка вся исписана той же вязью, что на стенах. Любой бы принял её за орнамент, но это не так. За годы в подмастерьях у архивариуса я повидала много странных текстов, и вот один из них. Но где я его видела? В той странной тетради из-под пола! Понятия не имею, как его читать.

– Что? – Макс смотрит взволнованно и непонимающе. – Надо быстрее искать выход!

– Думаешь, стрелки зря нас сюда привели?

Протягиваю руку к арке, но останавливаюсь. Мирим сказал ничего не трогать, всё здесь священно, неприкосновенно, таинственно и опасно, но когда Макс тронул стену, открылась комната, и ничего плохого не случилось. Вход в Башню тоже открывается прикосновением. Так чего бояться? Мы с Максом нарушили столько аллидионских запретов и догматов, что нас пора было бы уже испепелить молниями. Однако мы живы.

Я кладу ладонь на вязь, неровный камень холодит подушечки пальцев, трогаю рельеф там, где он сглажен больше всего, и вдруг – внутри арки воздух словно сгущается и темнеет. Мы с Максом испугано отскакиваем, но на полу перед

нами вспыхивают голубые стрелки. Все указывают на арку.

– Это что за ерунда? – недоумеваю я.

Башня полна загадок. Даже Доверенные не знают наверняка, зачем Демиурги всё это построили и почему свалили, не оставив объяснений.

– Не знаю. Приглашение в никуда? – Макс чешет затылок и оборачивается. – Смотри!

Я прослеживаю за его рукой: позади нас в коридоре открыта ещё одна комната. Может, нам туда? Мы подходим и заглядываем внутрь – пусто, лишь ячеистые стены, как и в предыдущей. Искорка на этот раз единственная, довольно крупная, появляется из стены и движется к нам. Я отхожу всё дальше и дальше, но она будто нацелилась на меня и приближается. Комната захлопывается, а искра остаётся снаружи. Не нравится мне это. Макс пытается её прогнать, смахнуть, даже поймать, но она ловко уворачивается от его пальцев и упорно движется ко мне. Я отмахиваюсь и случайно касаюсь, искорка больно жалит ладонь.

За спиной только арка, дальше некуда, эта странная искра не даёт нам сделать и шагу в сторону, чтобы её обойти. Но вдруг коридор и искорка пропадают. Ледяной воздух вгрызается в лёгкие, разгоряченные долгим подъёмом, острые капли дождя впиваются в лицо. Как мы оказались за одно мгновение на самой вершине? Здесь жуткий холод. Я натягиваю капюшон и заворачиваюсь в балахон.

Полукруглая терраса наполовину укрыта навесом, с него

хлещут потоки воды, тарабания по каменному полу. Трудно поверить, что мы добрались! Дух захватывает.

Кто не бывал на вершине, полагают, будто полуторакилометровая Башня упирается шпилем в космос и ведёт к Демиургам. Но это вранье. Хоть забрались мы высоко, никаких Демиургов здесь нет.

– Мы добрались! – радуется Макс и стискивает меня в объятиях.

– Ура! – радуюсь в ответ я и тоже крепко его обнимаю.

Мы в нескольких шагах от свободы, и нас никто не останавливает! Святош не видно, кусачих искорок тоже, чем бы они ни были.

Ветер треплет куски брезента, прикрывающие ящики на открытой стороне платформы. А за высокими перилами, подсвеченными красными огнями по краям, пришвартован дирижабль! Доверенные летают на нём во внешний мир, исследуют, как люди жили до катастрофы и проверяют, как там обстановка, а теперь полетаем и мы.

Вблизи он впечатляет гораздо сильнее, чем когда смотришь снизу, из обители – это гигант с серебристым баллоном, состоящим из ровных секций, вызывает трепет. Под ним крепится нечто вроде длинной лодки с окошками. Зеллиг рассказывал, будто внутри можно жить, и это похоже на правду.

Макс отпускает меня, мы выходим на платформу под дождь, я замираю: столько открытого пространства – озноб

пробирает до костей. Порыв ветра едва не сбивает с ног, ливень беспощадно хлещет в лицо. Балахон намочает за считанные секунды, как и платье под ним, холодная ткань липнет к телу.

Неожиданно за другим краем платформы оказывается второй дирижабль поменьше. Он выглядит как огромная продолговатая бочка с окошками снизу, никаких лодок у него нет. Пока я стою, открыв рот, Макс, игнорируя стихию, устремляется именно к нему и зовёт меня за собой.

Поборов страх, я шагаю навстречу свободе. Ветер полощет набравший воды балахон, капли дождя звенят по настилу, туманят взор.

– Макс! Ты уверен, что погода лётная? – Я касаюсь поверхности дирижабля – это не металл, на ощупь что-то незнакомое, но напоминает прорезиненную ткань.

Макс протягивает руку, помогая забраться на борт.

– Ты ещё можешь вернуться. – Он сбрасывает промокший балахон на деревянный пол, смахивает рукавом капли с лица и подмигивает.

Нутро машины за секунду захватывает его внимание, и он словно забывает обо всём. Или, наоборот, вспоминает?

Несмотря на гигантскую «бочку», места внутри мало, зато тепло, сухо и даже уютно; тусклый свет очерчивает панорамное окно с козырьком от дождя, непонятные рычаги, трубки, тикающие вразнобой циферблаты. Из-под промасленной тряпки на приборной панели проглядывают буквы:

«Ма». Любопытно. Убираю тряпку и нахожу продолжение: «кс». Вот это да! Дёргаю Макса за рукав, чтобы привлечь его внимание, и секунду наблюдаю озарение на его лице. Теперь и мне понятно, откуда Зелиг взял его имя.

– Да. Ты была права.

– В чём?

Макс бросает на меня рассеянный взгляд и возвращается к запуску машины. Щёлкает тумблерами, крутит вентили, проверяет приборы. Рокот двигателя начинает спорить с дождём.

– Я понял, кем был и почему меня хотят убить, – хмуро отвечает он, отрываясь от приборов и глядя на меня.

В его глазах пляшут злые огоньки. Меня охватывает волнение: судя по реакции, Макс вспомнил, как его захватили Доверенные с Зелигом во главе. Они соврали мастеру Гилладу, что дирижабль чужака потерпел крушение, а пилот так сильно пострадал, что едва выжил. Но мастер Гиллад сомневался: от падения не будет синих следов от пальцев на шее. Макс сам пролил на это свет, когда забрался в кабинет Батьи-Ир и нашёл описание эксперимента, заверенное её подписью, в котором говорилось, что никакого крушения не было.

– Что именно ты вспомнил?

Он колеблется, его взгляд мечется от меня к приборной панели и, наконец, замирает, прикованный к окну. Зря я спросила, он не любит об этом говорить. Макс и без того

противно думать, что Зелиг умудрился лишить его прошлого и сломать два ребра.

– Я правда хорошо разбираюсь в дирижаблях.

Я не сомневалась. Всегда хотела узнать, чем же Макс занимался во внешнем мире, что у него есть собственный дирижабль. Но, похоже, сейчас не самый удачный момент для разговора. Его лицо словно деревянная маска, а глаза сделаны из стекла. Не думала, что воспоминания окажутся настолько неприятными.

– Нужно убрать крепления, чтобы взлететь. – Он показывает на рычаги на платформе. – Поможешь?

– Конечно!

Раз уж я не могу принести пользу внутри, то постараюсь сделать это снаружи. Оставляю сумку с провизией и возвращаюсь под дождь, отжать рычаги. Это ведь просто.

Перед глазами вдруг возникает заблудшая искорка из загадочной комнаты. Откуда она взялась? Отгоняю, не до неё.

Четыре железяки с деревянными ручками, оказывается, рассчитаны на крепкую мужскую руку, и девчонке скромной комплекции, вроде меня, справиться сложнее. Две поддаются, с третьей приходится повозиться. Когда пальцы сжимают последнюю, взгляд ловит размытую фигуру в меховом балахоне. Сердце ухает вниз, пальцы деревенеют. Я пытаюсь сморгнуть видение, похожее на кошмарный сон. Нас нашли! В нескольких шагах передо мной стоит Зелиг.

Рву последний рычаг, повиснув на нём всем весом – надо

успеть! Едва он поддаётся, меня хватают за плечо. Оборачиваюсь – Зелиг ехидно улыбается.

– Попалась, Рыжуля?

– Макс! – ору я от нахлынувшего ужаса.

Машина снимается с креплений и потихоньку отдаляется от пристани.

Макс будто не слышит и не понимает, что происходит, словно его подменили. Хмуро наблюдает, как Зелиг заламывает мне руки. Он просто в замешательстве. Надо до него докричаться.

– Макс!

Я не собираюсь сдаваться, только не сейчас! Кусаю Зелига за руку, получаю оплеуху, выкручиваюсь и успеваю рвануть к дирижаблю. Но между машиной и мной уже слишком большая пропасть.

– Ма-а-акс! Что же ты делаешь?!

Но этот вопрос вряд ли долетает до его слуха.

В ошеломлении гляжу, как дирижабль тает в мутном пространстве. Худшего кошмара я не представляла. Этого не может быть!

Перед носом мельтешит искра, я отмахиваюсь, но она не отстаёт. От досады я прихлопываю её, точно мошку, но она неожиданно вспыхивает, взрывается молниями, и прошивает меня насквозь жгучей болью. Мир гаснет.

Глава 2. Плен

Я стою на высоком холме, вокруг зелёная трава по пояс. Воздух прохладный, ветер в лицо. Далеко впереди огромный город, шпили сотен зеркальных башен пронзают облака, вены переходных галерей опутывают их тонкими трубами, а по ним, словно кровь, бежит городская жизнь; огни на платформах мелькают и светятся, движется воздушный транспорт. Город, словно искусственный организм, дышит, живёт. Население – миллион душ. Но вдруг становится тихо, всё замирает, замолкает, и ослепительная вспышка сжигает город в один миг. Моё сердце останавливается, боль, словно в груди выжгли дыру. Серая взвесь клубится в воздухе и проливается пыльным дождём на зелёные просторы.

Прихожу в себя в полумраке, глотая слёзы. Ничего себе – приснился кошмар! Странный и нелепый образ, который трудно вообразить. Тяну руку, чтобы протереть глаза, но она будто из свинца – тяжёлая и онемевшая, в голове туман, как с похмелья, губа припухла, во рту металлический привкус крови. Щека горит. Что происходит? Где я?

Терпкий аромат курений щекочет ноздри, над головой

возвышается трёхметровая чёрная статуя Демиурга. Тонкий луч утреннего света, пробиваясь сквозь маленькое окошко в каменном потолке, мягко касается его безликого чела и рассеивается, растворяясь в темноте кельи. Меня пробирает озноб: я в одиночной келье, вместо того, чтобы быть на дирижабле! Вскакиваю, как ужаленная, и натываюсь на святошу, вздрагиваю от неожиданности. Тут же события вспыхивают в памяти неразборчивой чехардой: винтовые лестницы с бесконечными ступенями, Башня, космос, Макс, платформа, дождь и самое страшное – размытый силуэт дирижабля, ускользающего в стихийной круговерти. Сердце сжимается и замирает. Я ведь спасла Макса, не может быть, чтобы он так предательски оставил меня!

– С Днём Астрелии, Рыжуля! – Зелиг нависает надо мной, его любопытный взгляд скользит по моему лицу. – Жаль, что ты пропустила всё веселье.

Туман в голове не рассеивается, и реальность кажется зыбкой, словно я всё ещё во сне. Не может быть!

– Какого шнода ты здесь делаешь?

Бросаюсь к двери, дёргаю ручку – заперто; стучу до боли в кулаках.

– Откройте!

Макс видел, что происходит, понимал, что у меня не будет шансов сбежать одной из Аллидиона, и моя жизнь превратится в кошмар, но стоял и смотрел равнодушно, будто чужой. Почему? Что такого он вспомнил? Горечь сдавливает

горло, и я глотаю слёзы, не давая им вырваться наружу. А тут ещё Зелиг с его мерзким злорадством стоит, наслаждается.

– Не старайся, там никого. – Он с усмешкой поднимает руку, в которой сверкает ключ. – Батья-Ир подойдёт позже.

– Батья-Ир? – недоумённо переспрашиваю я, отходя от двери.

Зелиг кивает. Сама глава Совета снизойдёт до визита к преступнице? А по законам обители это так – я не просто нарушила священный запрет, зайдя в Башню, но освободила приговорённого к смерти и выпустила его на свободу.

Но если взглянуть на это иначе, Макса удерживали против воли. Если его боялись, почему просто не изгнали? Зачем приговаривать к смерти под выдуманым предлогом? Уму непостижимо. Может, они опасались, что он вернётся с друзьями и расскажет всей общине, как Совет водит их за нос? Но зачем это ему?

– Я предупреждал, что этот парень не так прост. Зря ты меня не послушала. И что в итоге? Он попользовался тобой и бросил.

Он бы так не поступил. Что-то случилось, он что-то вспомнил. Наверняка важное или опасное. Как теперь узнать?

Зелиг подходит, тянется к моим волосам, хватая прядь, утыкается носом, вдыхает с блаженством на лице. На его руке лататель. Бью по нему, и он отдёргивает пальцы.

– Я не просила читать мне нотации, шнод!

– Для тебя – Святой брат Зелиг! – сердито цедит он, ухватив меня за отворот балахона.

– Святости в тебе, как в баркачей лепёхе!

Я пытаюсь оторвать его пальцы от одежды, сухая грубая ткань наждачкой проходится по воспалённому запястью. Но... ткань сухая? В замешательстве ощупываю платье. После вчерашнего ливня ничего бы не высохло, значит, меня переодели, пока я была без сознания.

– Ты это сделал?! – Я ошарашенно смотрю в лупатые баркачьи глаза. – Что ещё ты сделал?

– К сожалению, ничего. Меня не тянет к девушкам в обмороке. – Он отпускает ткань, но, проследив за моим взглядом, понимает: – А, ты про одежду. Я попросил твоих подружек-сестричек. Они хотя бы не кусаются.

Я выдыхаю, чувствуя смесь облегчения и отвращения. Иду к статуе Демиурга и усаживаюсь на циновку возле большой прямоугольной ниши с водой. Жаль, что глубина всего сантиметров десять, не утопишься. Набираю полные ладони воды и плещу в лицо, смывая остатки сна. Щека болит, Зелиг ударил меня за то, что я его укусила. Шнод!

На запястье, куда пришёлся разряд, пульсирует ожог, словно напоминание о вчерашнем кошмаре. Странно, что я вообще дышу после встречи с молниями. Откуда они взялись? А Зелиг? Я ведь следила, чтобы за мной никто не шёл, никто не видел, как я спускалась к Максусу.

– Как ты узнал, что мы...

– В Башне? – заканчивает за меня Зелиг с противной масляной ухмылочкой. – Благодаря Батье-Ир. Теперь ты никуда от меня не денешься.

– В мечтах! – сердито ворчу я. – Откуда она узнала?

– На то она и глава Совета. – Он пожимает плечами.

– Допустим. Тебе-то что от меня нужно? Позлорадствовать зашёл?

– Предложить.

Ну конечно. Знаю я про его предложение. Как же сразу не догадалась.

– Мой ответ – нет!

– Уверена? Тебе понадобятся союзники.

Противно даже думать, особенно после всего, что он сделал. Отвратительный скользкий тип. Не понимаю, что в нём находят другие девчонки: масляный взгляд, дурацкая привычка смахивать волосы с лица. Гордится своей кудрявой шевелюрой, заносчивый.

– Мне не нужны союзники, которые меня бьют и подставляют!

Он хмыкает, словно такого ответа и ожидал, медленно направляется к двери, вставляет ключ в замок и поворачивает.

– Обещаю быть ласковым и нежным. Удовольствие гарантирую.

– Катись отсюда!

Кинуть бы в него чем-то, но ничего нет.

– Рыжуля, ты сейчас на взводе, но когда остынешь, поду-

май хорошенько. Времени у тебя полно.

– Союзников и без тебя найду!

Зелиг подмигивает и уходит. Я заваливаюсь на спину и облегчённо выдыхаю. Он мог бы запросто получить желаемое безо всяких предложений. Просто не хочет подставляться перед Батьей-Ир. В прошлый раз она наказала его за попытку, когда он прижал меня к стене в пустом кабинете архивариуса и полез руками под мой балахон, а меня наказала за «провокацию». Определённо, прижатая к стене, злая и орущая дурными словами девушка вызывает у мужчин запретные желания.

От несправедливости, творящейся повсюду, сводит челюсть.

Нужно успокоиться. Закрывать глаза, выбросить из головы всё баркачье дерьмо и подумать, как быть дальше. Я стараюсь делать всё по инструкции: глубокий вдох – медленный выдох, как вдалбливали с детства, но медитация не помогает. Мысли мелькают, как свихнувшаяся мошкара, и я тщетно пытаюсь их перебить, чтобы они остановились и дали понять, в каком месте я просчиталась. Но они слишком шустрые.

Поднимаюсь и брожу из угла в угол. Время тянется древесной клейковиной. Запястье саднит. Что за молния меня поразила? Приложить бы лекарство, но к мастеру Гилладу за его чудесными мазями отсюда не сходишь. Остаётся ждать Батю-Ир, чтобы послушать, как я заблуждалась и что теперь

мне за это будет. В одном я уверена: сидеть здесь придётся долго.

Поговорить бы с мастером Гилладом или помолчать и послушать стариновское ворчание. С ним всегда спокойней, он мне как отец, если бы у кого-то из нас были родители, как в древних историях из архива. Я даже готова помогать ему в лазарете двадцать шесть часов напролёт: целые сутки мыть склянки, кипятить инструменты и подавать бодрящий чай с мёдом и душистыми ягодами нангири.

Наконец, щёлкает замочная скважина, ключ поворачивается, распахивается дверь, и в свете проёма вырисовываются силуэты: четверо святош с масляными лампами на цепях. По балахонам узнаю свиту Батьи-Ир. Они входят и останавливаются, в келье воцаряется свет. Значит, главная советница уже на подходе.

Один из святош поглядывает из-под капюшона. Узнаю белобрысую чёлку и конопатый нос. Неужели Мирим? Что мой подопечный забыл в свите главной советницы? Он ведь её ненавидит!

Осторожно подхожу к нему, но обниматься на службе ему не положено, и, чтобы не скомпрометировать, просто остаюсь рядом.

– Мирим? Почему ты в подмастерьях главной советницы?

– Потому что ты здесь.

Не нравится мне его виноватый тон и взгляд. Тут меня ошарашивает совершенно невероятная догадка, которую я

пытаюсь отвергнуть.

– Мирим, ты ведь не стал бы делиться с Батьей-Ир нашими делами? – тихо интересуюсь я.

– Прости, Рыжик. Макс был классным, но он мне никто, а ты как родная. Я не хотел, чтобы ты расшиблась вместе с ним. Но я всё исправлю!

На глаза наворачиваются слёзы. Он решил, что мы разобьёмся? Дерьмо баркачье! Что же он наделал?! Он же меня подставил! Хотел уберечь, но сделал хуже!

Я не знаю, что сказать, только в ошеломлении открываю рот, и в этот же миг в келью входит сама глава Совета в конклаве Чёрных Обаккинов – моя бывшая наставница Батья-Ир. Торопливо и важно она проходит до самой статуи, подметая пол подолом чёрного с набивным орнаментом балахона, и останавливается.

– Нам лучше поговорить наедине. Все вон! – Она небрежно взмахивает рукой, и свита моментально оказывается снаружи, прикрыв дверь. – А ты подойди.

По спине пробегает озноб, но я подчиняюсь. Батья-Ир ниже меня на голову, вот только именно она продолжает смотреть свысока. Ещё бы, она теперь второй по важности человек в Аллидионе. Её красивое лицо, несмотря на годы, перевалившие за сотню, принимает ложно-приветливую гримасу.

– Ну здравствуй, Соломея.

Она всегда с ехидством произносит имя, которое сама да-

ла. Меня корёжит, будто кто-то царапает вилкой по керамической посудине. И за годы выработался рефлекс – «жди взбучку». Я даже нервно касаюсь шрама на шее – безобразный ожог от электрохлыста для погона баркатов – автограф на память. Так что прозвище звучит привычнее и добрее, но, по её мнению, оно слишком детское.

– Тебе не надо рассказывать, что полагается за проникновение в Башню? Что с тобой будет за дерзкое святотатство?

Её невысказанное осуждение просто клубится в воздухе. Батья-Ир с любопытством изучает мою пострадавшую щеку.

Мне всё ещё трудно смириться с мыслью, что придётся отсидеть тут двенадцать декад, а потом отправиться на север обители, на пастбища – обычно именно так наказывают за дерзкое святотатство. Я буду скучать по Архиву, по шороху ручки и влажному аромату свежей бумаги, и сухому, слегка заплесневелому духу умирающих томов. Жаль. Переписывание меня успокаивало, освобождало ум получше всяких медитаций. Теперь этого не будет, как и доступа к древним знаниям. Но я осознавала, чем рискую: такова плата за жизнь Макса. И всё же мне досадно, что всё обернулось не так, как планировалось.

– Для этого могли не приходиться.

Мне всё ещё неясно, зачем она пришла. Она воспитанницами занималась не из личного интереса. Для неё служение – карьера, и ради должности она пройдёт по головам более достойных. Учитывая, что Верховный слишком стар, её без

тени сомнения можно назвать и первым по важности лицом, так что дела мои плохи.

– Сядь. – Она указывает на циновку, и когда я опускаюсь, медленно располагается напротив. – Когда мне сообщили, что одна из моих бывших воспитанниц готова переступить порог Башни Демиургов, я даже не удивилась. Ни одному непосвящённому не пришло бы на ум подобное святотатство! Ты забыла, чему я тебя учила?

– Когда знания вбивают палкой, такое не забывается.

Я прекрасно помню, как жить и во что верить в нашем скромном мире.

– Но назло мне пренебрегаешь правилами. Всё ищешь некую «правду», во внешний мир решила выбраться.

– А что остаётся, когда все вокруг врут? – Мой голос эхом проносится по келье, и я сбавляю тон. – Вы держите нас силой веры. А может, и нет никаких Демиургов. На молитвы никто не отвечает.

Будь хоть где-то создатели, которым на нас не плевать, однажды они бы выпустили нас из клетки в безграничный мир. Но сколько можно просить их об этом и ждать?

– Ты побывала в Башне и до сих пор сомневаешься? – Батья-Ир ехидно ухмыляется и мелкие морщинки лучатся вокруг её больших карих глаз. – Зелиг сказал, что в тебя попала молния.

– Зелиг любит преувеличить, – нервно усмехаюсь я. – Не молния, а так, искра. Если бы молния...

Батья-Ир тут же меняется в лице, хмурится, настораживается и не даёт досказать про горстку пепла.

– Искра? – Она хватается меня за руки, поочерёдно задирает рукава, бегло изучает.

Я в полном недоумении позволяю ей это, любопытно, что она собирается найти, кроме ожога. Батья-Ир разворачивает мои руки запястьями вверх и останавливает взгляд на вздувшемся красном пятне.

– Демииурги пометили тебя, это плохо! – рывкает она с видом «так я и знала». – Вот тебе и наказание за святотатство!

Тысячи ледяных иголок успевают пробежать по моему позвоночнику. Что она несёт?

– Это просто ожог. Он пройдёт. Странно, что за враньё Демииурги не наказывают. А то тут многие в ожогах бы ходили.

Фраза срывается с языка быстрее, чем я успеваю её осознать. Батья-Ир прищуривается, отпускает мою руку и поднимается с места.

– В священной Башне ничего не случается просто так. – Она старается ругать меня тихо. Боится, что не все за дверью знают правду о чужаке? – Ты помогла чужаку сбежать со знаниями об обители. Подвергла Аллидион опасности! О чём ты думала?

От того, как она выворачивает ситуацию, кровь приливает к голове и пульсирует в висках. Батья-Ир часть вызывает желание её придушить.

– А о чём вы думали, когда заперли его здесь? А когда приговорили к смерти? Вы считаете их варварами, прячете от нас. Зачем? Что случится, если они узнают? Что, по-вашему, сделают? Снаружи такие же люди. Может, даже лучше, потому что не врут, как вы и эти ваши Доверенные.

Мысль, что правильнее их было бы назвать Лживыми, умалчиваю.

– Ты влюбилась и ослепла, – снисходительно улыбается Батья-Ир. – Догадаться нетрудно. Иначе ты бы не стала так рисковать. Ты судишь по одному дикарю, а сама толком его не знаешь. Посмотри, что стало с тобой из-за него! Ну ничего. Зелиг найдёт его и исправит твою ошибку.

– Свою ошибку, – поправляю я. – Он привёл Макса сюда и лишил его памяти.

Батье-Ир нечего возразить, и я недолго наслаждаюсь маленькой победой. Она плотно сжимает губы, прищуривается и ловко меняет тему.

– Вход в Священную башню запретили не дураки и не без причины. Эта Башня – остов Аллидиона, завет Демиургов. Она бережёт нас, даёт нам жизнь. Поэтому и мы должны оберегать её.

Во мне вспыхивает возмущение. Можно подумать, мы загнали туда стадо баркатов! Слова вылетают быстрее, чем я успеваю их обдумать.

– Мы даже не знаем, что там!

Я поднимаюсь с места и скрещиваю руки на груди.

– Не тебе менять вековые традиции и решать, как нам жить, – зло шипит Батья-Ир, даже воздух вокруг её рта словно электризуется. Она тоже поднимается. – Мы выжили благодаря вере. А в тебе её нет ни капли, Соломея. Ты плюёшь на наши догматы!

– Потому что вы врёте! Может, и про Демиургов тоже! Мы шли путём Доверенных, а они там ходят каждый день, и ничего не случается.

Холодные мурашки бегут по спине от собственных слов, но обратно их уже не вернуть.

– Доверенные специально обучены. Они знают своё дело, они давали обеты, их не зря так называют. Покидая Аллидион, они останутся верными ему, с чем бы ни столкнулись по ту сторону. Они всегда возвращаются. – Она вдруг прищуривается и внимательно смотрит мне в глаза. – А кто рассказал тебе про их путь?

– Зелиг!

Пусть косвенно, но это правда.

– Не делай из меня идиотку! Ты к нему лишний раз не подходишь. Кто-то тебе помог. – Она задумчиво изучает моё лицо, будто пытается прочесть ответ. – Это твой мальчишка? Мирим, кажется.

Я стараюсь делать ничего не выражающее лицо, потому что не хочу его впутывать, но слова Батьи-Ир тысячей игл вонзаются в кожу.

– Он тут ни при чём!

– Я ведь спрошу у Зелига. Если он подтвердит, то, скорее всего, у меня одно место для подмастерья освободится.

От отчаяния и досады кусаю свою щёку изнутри. Дерьмо баркачье! Ну вот, мы друг друга стоим, совсем как настоящие родственники.

Батья-Ир подходит близко, вплотную и говорит тихо:

– Хорошо одно. Ты не проболталась о чужаке, сдержала свой длинный язык, хотя это тебе несвойственно. На суде оценят. Совет будет соблюдать осторожность, ты тоже старайся. Для своей же пользы. В любом случае тебе не поверят. А ляпнешь что-нибудь лишнее, это плохо отразится на будущем твоего подопечного.

От неожиданности пульс подскакивает к горлу. Она знает мои слабые места и решила манипулировать? Вот же гадина.

– Не смейте угрожать Мириму! И при чём тут суд?

– Не забывайся! – рявкает она. – Всё, что ты натворила, передано в суд. Он будет публичным.

Я просто ушам своим не верю, пульс бешено колотится в висках. Публичный суд – это ведь когда всё совсем плохо. Когда надо показать всей обители, за что подсудимый пройдёт через реинкарнацию в ближайшие дни. Неужели она думает, что я заслуживаю смерти?

– Защищать тебя вызвался Мастер Гиллад, кто б сомневался, – пренебрежительно бросает она.

Батье-Ир не нравится, что лучший лекарь в обители относится ко мне как к родной, что между нами доверие, кото-

рого когда-то не досталось ей. Что он, несомненно, защитит меня от её лжи, как уже случилось однажды. Так, может, это страх? Или ревность? Но какое ей дело до моих отношений с другими?

– Но по правилам, – продолжает она, – поскольку я, на свою беду, тебя воспитывала, учила быть послушной перед Демиургами, мне тоже придётся встать на твою сторону и оправдывать результат своей неудачи.

Мои руки сами сжимаются в кулаки, ногти до боли впи-ваются в ладони. И всё накипевшее, наболевшее за мою короткую жизнь, рвётся наружу так, что хочется врезать ей.

– Неудачи? Вы считаете неудачей то, что я научилась видеть ваше враньё насквозь?

Она вдруг отвешивает мне пощёчину, злую, настоящую. В ушах звенит, лицо горит, но она не увидит ни одной эмоции на нём.

– Ещё одна дерзость, и я не дождусь суда! Ты думаешь, я хочу этого?

– Я даже не сомневаюсь.

Из последних сил сдерживаюсь, чтобы не выдрать все до единой аккуратно уложенные косы из её головы. Но она, как и я, берёт свои эмоции под контроль, выдыхает, стараясь сделать равнодушный вид.

– Я скажу судьям, что парень был не в себе, задурил твою голову глупыми фантазиями о жизни снаружи и даже насильно затащил в Башню, – продолжает она, но я замечаю,

как трепещут крылья её маленького острого носа. – Повезло, что Зелиг оказался рядом и спас тебя. Ещё сделаем снисхождение по возрасту – в твои годы ещё нет большого ума, это просто цифра. Вот о чём тебе следует молить Демиургов – об уме.

По крайней мере его хватило, чтобы увидеть ложь, творящуюся вокруг, а может, хватит, чтобы найти способ разобраться во всей этой несправедливости. Пока что от негодования меня только темнеет перед глазами. Батья-Ир умеет притворяться справедливой и правильной, а на деле она хитрая тварь, которая запросто вывернет ситуацию в свою пользу. Тягаться с ней в этом может не каждый, я не заставлю её признаться на всю обитель, что среди нас жил чужак из-за стены, что там есть люди. Без доказательств мне на суде не поверят, и она прекрасно знает об этом, вот и язвит.

– Я поняла. Чтобы сохранить свои грязные тайны, вы решили избавиться от меня.

Она недолго молчит, и я принимаю её молчание за согласие. А если так, значит, она боится. Боится, что я всё же смогу доказать правду. Что найду способ или тех, кто поверит и поддержит меня. Первым будет мастер Гиллад. Вот почему ей противно думать о нём, как о моём защитнике.

У Батьи-Ир залегает очередная морщина между бровей, и раздуваются ноздри, но она сдерживает гневный порыв и небрежно бросает:

– Твоя судьба зависит от решения Совета.

– А решение Совета зависит от вас.

– Молись, чтобы красное пятно на твоём запястье и правда оказалось ожогом, а не отметиной Демиургов. Иначе, учитывая все твои проступки, суд приговорит тебя к реинкарнации.

– Но вам ведь это и нужно?

Пусть скажет своё «да», глядя мне в глаза. Пусть признает, что хочет меня убить.

– Следи за словами! – вместо этого холодно бросает бывшая наставница и быстро уходит, подметая балахоном пол из циновки.

Иногда мне кажется, она бы с радостью придушила меня и ещё половину своих бывших подопечных. Наверное, со мной она и впрямь могла бы разобраться по-тихому. Чтобы убрать меня с пути, ей не нужен суд для наказания, но сейчас, когда её карьера растёт, она покажет, что во главе Совета сильный лидер, возможно, достойный места Верховного. Какое наказание выберет суд, как я буду жить дальше, страшно представить. А буду ли? Как найти выход, которого нет?

Чувство, будто я сплю и вижу кошмар. Проснуться бы, перелистнув время назад, как страницы древней рукописи, и написать историю заново, по-своему. Но так не бывает.

Глава 3. Метка

Ночь проходит тяжело. Все эти визиты – Батья-Ир, Зелиг, подстава Мирима, который хотел как лучше – вывели из себя, оставив неприятное беспокойство. Теперь будет суд. Как спать? Голод в желудке не ощущается так остро, как невыносимая боль от предательства Макса. Что его толкнуло бросить меня вот так?

Оттягиваю рукав и рассматриваю непонятный след на запястье, но тут слишком темно, и, кроме красного вздутого пятна, ничего не разобрать. Батья-Ир сказала, что это отметка Демиургов. Почему они не пометили Макса? Во всяком случае, мы видели лишь одну искру, и она упорно преследовала именно меня. А значит, это не просто ожог – оно хотело меня обжечь! Зачем? От этой мысли становится не по себе. Но паниковать рано, я понятия не имею, зачем оно это сделало.

В аллидионских садах помечают больные деревья, а после спиливают, чтобы зараза не распространялась. Но зачем откладывать возможность сразить меня молниями на месте? Может, потому, что наказывать меня не за что или некому?

Допустим, Демиурги и правда жили на Эйдосе, построи-

ли Башню с макетом целой вселенной из воздуха и света, который я видела лично. Людям такое не под силу. Пусть на моей руке и правда метка, но откуда Батье-Ир знать, что она дурная? Такое уже было? Может, дело в другом, и Демиурги хотели, чтобы люди ходили в Башню?

Так что же это за зараза? На ощупь небольшая мягкая выпуклость, и если чуть придавить, ощущение, будто она расплзается, шевелится, как живая, но иллюзия быстро проходит, и я снова чувствую жжение. Если под кожей и впрямь что-то есть, то лучше избавляться от этой заразы. Мне бы в лазарет, к лекарствам и инструментам, или кого попросить. Только сюда никто не спешит. Не выцарапывать же её ногтями.

За маленьким окошком давно светло. Но здесь для меня время будто остановилось, замкнулось на себе, как знак бесконечности, и лишь голодный спазм в животе напоминает о его течении. Утолить голод нечем, кроме сухого хлеба, еда в этой келье не положена, но даже его не принесли, зато воды хоть залейся: целая ниша в полу размером с небольшой бассейн. В очередной раз сую туда руку, так ожог меньше болит.

Считается, будто эта вода освящена Демиургом, сидящим здесь, а значит, очищает тело – храм души, а от чистого тела зависит и чистота духа. Но я пока не разобралась, как неподвижный истукан может что-то очистить, да и эффекта не ощущаю, хотя напивалась не раз. Может, потому что никогда не делаю следующий шаг? Нужно очистить мысли. Но

как подавить желание прибить, к примеру, Батью-Ир за вредность или Макса после его поступка? Вот только согласно теории дурные помыслы, не говоря уже о действиях, истощают дух негативной энергией и от них надо избавляться, иначе духу не хватит сил, чтобы сохранить личность при перерождении в новом теле, когда старое помрёт по каким-либо причинам.

Если суд приговорит меня к реинкарнации, никакая сила духа меня уже не спасёт. Потому что нет никакого духа и никто ещё ни разу не вспомнил свою прошлую жизнь. Демиургов тоже нет, потому что они никогда не отвечают и всегда остаются глухими к мольбам. С такими помыслами я не очишусь никогда; голодом, водой, молитвами, ритуалами, даже если Батья-Ир будет стоять рядом и бить меня электропалкой для усмирения баркатов. Я не могу слепо верить на слово. Да, я видела Башню изнутри, ко мне пристала искра, но это не объясняет ровным счётом ничего. Может, со мной что-то не так?

Встаю и брожу по келье, считая шаги, чтобы не думать о плохом. Но это не помогает. Наконец из-за двери доносится шарканье подошв. Грохот ключа в замке и скрип дверных петель, словно музыка, глоток свежего воздуха, оживляет отсыревший склеп. Хвала Демиургам!

Мастер Гиллад входит с кружкой в руках. Аромат горячего супа моментально подчиняет себе, и сейчас, как животное, я готова на что угодно за еду. Но мастер Гиллад не спе-

шит называть свои условия.

– Только посмотри, куда тебя занесло! – ворчит он вместо приветствия и быстро проходит внутрь.

Запах микстур, которыми пропитана его одежда, смешивается с благовониями и ароматом супа. Хмурое и не улыбающееся лицо лишь маска, под которой самый добрый человек во всём Аллидионе. Несмотря на стариковскую привычку ворчать по любому поводу и вспоминать, что в молодости Астра светила ярче и баркаты давали молоко вкуснее, он мудрый и держится бодро для своего возраста.

Надеюсь, кроме еды, он принёс хорошие новости и скажет, что у меня всего лишь ожог, а Батья-Ир хотела меня запугать.

– Всё я виноват, старый чурбан, – сокрушается он вместо новостей. – Мало того что заступился за сопляка, так ещё и угораздило приставить к нему тебя.

Он усаживается на циновку, дожидается, пока я сяду рядом, и суёт мне в руки кружку. Запах еды дразнит так сильно, что невозможно удержаться.

– Я была в курсе, и у меня хватало знаний, чтобы ухаживать за пострадавшим, а заодно попрактиковаться, – успокаиваю его я, глотая суп. – Ты всё правильно сделал. Остальное... Откуда тебе было знать?

– Оттуда! – Он внимательно глядит на меня. – Так обычно бывает, когда встречаются двое молодых людей.

Я наполняюсь благодарностью, что сохранил нашу тайну.

Ведь чувства нельзя запретить, вытравить голодом, медитациями и вымыть водой. Их нужно прожить. Но в Аллидионе такое возможно только прячась по углам. Мастеру Гилладу я только в общих чертах намекнула о том, что между нами происходило. Потому что доверяю ему. А ещё Булке, потому что мы делимся всем. Больше не знал никто.

– Ты ведь хотел, чтобы рядом с ним был человек, которому он доверится и которому доверяешь ты.

Он неохотно кивает.

– Спасибо, что согласился меня защищать.

– А как же иначе? Правда ведь на твоей стороне.

– И ты откроешь всем эту правду?

– Хотел бы, но нет. Есть другой способ достучаться до Совета, но последствия всё равно будут. Тебя не допустят к прежней работе, Рыжик. Мастер Тэ отказался от тебя, ты больше не подмастерье архивариуса. – Он делает паузу, тяжело вздыхает и долго молчит. – Я постараюсь оправдать тебя на суде, но и ко мне ты не сможешь больше приходить.

Осознание этого душит, словно меня заперли в тесном ящике. Я отвожу взгляд и отставляю пустую кружку.

– Помощница из меня всё равно так себе. Я от вида крови сознание теряю.

– В этом и была суть, – грустно произносит он. – Чем больше сталкиваешься со своими страхами, тем меньше их в тебе остаётся.

Я столько раз наблюдала за его работой и пыталась учить-

ся, но страха не убавилось ни капли. Может, дело вовсе не в страхе, тело просто реагирует: запах, вид – обморок. Вот и всё.

Мастер Гиллад встаёт, зажигает в чашах огонь, и в пятне света вырисовывается его задумчивое лицо и усталый взгляд из-под насупленных седых бровей. Он наконец-то интересуется следом на моём запястье. Напяливает очки на выцветшие голубые глаза, выбирает в сложной конструкции стекло потолще и пытается рассмотреть. Кряхтит, сопит, водит большим пальцем по моему запястью, надавливает на отметину, но едва убирает палец, не остаётся и следа.

Теперь я оторопело разглядываю место травмы. Куда она делась? Что случилось? Неприятное ощущение осталось, но ничего не видно! Неужто вода помогла?

– Что именно ты трогала? – Мастер Гиллад цокает, оставляет мою руку, думает. Дурной знак.

– Ничего. – Нервно мотаю головой, и мне становится не по себе. Неужели Батья-Ир права и это опасная метка? – До самой арки. Там были символы из камня.

Я тронула их, и появились стрелки на полу, а потом открылась комната с искрой. Святые баркаты!

Он задумывается, морщится, стареет на глазах, хотя ему и без того сто восемьдесят.

– Это невозможно, – бормочет он себе под нос.

– Чего невозможно, Мастер Гиллад? – Я даже не могу пошевелиться от оцепенения, как тогда, на площадке под до-

ждём.

– Того! – Он хватает меня за руку, тычет в нос моим же запястьем и сокрушается. – Оно нашло тебя.

Выдёргиваю руку из его сухих пальцев, стараясь выглядеть спокойной, но это трудно, его реакция пугает.

– Это отметка Демиургов? Всё как сказала Батья-Ир?

– Отметка. Да. Она должна вернуться в Башню.

– Ну и хорошо! Мастер Гиллад, ты можешь её вытащить? – Слышу, как дрожит собственный голос, и стараюсь взять себя в руки. – У тебя ведь с собой инструменты?

Я оглядываюсь, ищу его сумку. Где он её бросил? Там всегда лежит пенал-скрутка для первой помощи.

– Хочешь убрать эту штуку? – Он снимает очки, протирает стёкла подолом балахона. – Её и правда лучше бы вытащить, пока она тебя не убила.

– Убила? – Холодок пробегает по позвоночнику, и редкие волоски на руке становятся дыбом. – Да что в ней такого? Просто вырежь её!

Я с ужасом представляю, что крови будет много, и меня мутит от одной мысли.

– Думаешь, всё так просто? – ворчит старик. – Сама взгляни.

– Но я ничего не вижу. Может, оно ушло?

– Может. И что ты собралась вырезать?

Он прав, но мне всё ещё не нравится его настроение. Мы не увидели искру.

– Выходит, оно прячется где-то внутри? Оно правда меня убивает? Но как?

– Демииурги решили прибрать тебя. Вот как. Мне жаль, Рыжик. – Он поднимается. – Мы не имеем права даже прикасаться к священному артефакту.

– Неужели ничего нельзя сделать?

Что-то душасщее сдавливает горло, и я лишь наблюдаю, как он качает головой и уходит, оставляя меня наедине со страхами.

Пuls стучит в висках, хочется забраться на вершину Башни и закричать. Чувствую себя, как дирижабль с пробитым баллонном с комичных рисунков Макса – стремительно несущейся к земле и совершенно неготовой к удару. Нужно успокоиться, собраться, подумать – это всё, чем я могу себе помочь. Вдох-выдох.

Не выходит. Брожу из угла в угол, думаю, как убедится, что метки нет или избавиться от неё и оставить Совету меньше поводов для обвинений. Кого позвать на помощь?

В любом случае я стану изгоем. Если мастер Гиллад оправдает меня, и если доживу. Меня начнут избегать. Так себе перспектива. Спасибо Макс, надеюсь, тебе там икает-ся. Никакого больше Архива, где я записываю, подшиваю, сохраняю рукописи, а в перерывах пробираюсь в обсерваторию, чтобы разглядывать космос в телескоп и рыться в сведениях о тех, кто искал способы покинуть обитель. На моё место назначат святошу, который понятия не имеет, с какой

аккуратностью нужно подходить к хрупкому наследию предков: знаниям об Эйдосе, древней литературе. Меня отправят чистить сортиры и баркачи загоны, пока эта непонятная штукавина будет меня убивать.

Мороз пробегает по коже, я осознаю, что изо всех сил царапаю уже саднящее запястье. Дверь открывается снова, на этот раз Зелиг. Не вовремя, как всегда. Пока он проходит, замечаю за дверью дежурного. Хорошо. Будет кого позвать, если что.

– Как проходит твоё заключение, Рыжуля? – улыбается он.

– Тебе-то какое дело?

– Волнуюсь за тебя. – Он трогает моё лицо, но я отшатываюсь. – Что-то ты мрачная. Веснушки совсем побледнели.

– Надо было отпустить меня, а то теперь изведёшься от волнений.

Я скрещиваю руки на груди и жду, когда он уйдёт.

– Знаешь, я, наверное, мог бы. Но ты же не согласишься, если я скажу, что твой б... – Он запинается, но быстро продолжает: – Твой Макс в том мире тоже преступник, и я серьёзно опасался за твою жизнь.

Конечно, не поверю. Сплошная ложь вокруг.

– Зачем ты пришёл? Я уже сказала, что не соглашусь на твоё предложение.

– Даже сейчас? Когда ты узнала про метку? – удивляется он.

– Ты тоже думаешь, что она меня убьёт?

Он пожимает плечами.

– Ты же хочешь жить?

– Тебе удалось очаровать всё сестринство. Так иди со своими предложениями к тем, кому они нужнее. К Булке, например. Ты ей нравишься, она с радостью выслушает все твои байки про охоту на страшных зверей. Как ты их называешь?

Зелиг хмурится. Ответ меня не интересует. Названия этим «изворотливым и опасным» тварям он, похоже, придумывает сам. Но главное, девчонки ведутся.

– Булка это та твоя стервозная подружка? С ней достаточно щёлкнуть пальцами, это скучно, – ухмыляется он. – Я хочу тебя.

– Так для тебя это вызов? Добиться невозможного для галочки в списке? Зря стараешься.

– Разве? Чем этот Макс так тебя привлёк? Посмотри, где ты из-за него в итоге.

– Проваливай! – сержусь я.

– погоди. Я ведь могу тебя вытащить.

– Ты не спасёшь меня от суда и тем более от смерти.

Он оглядывается на дверь, подходит вплотную и склоняется к моему уху.

– Только я могу увезти тебя во внешний мир. Это будет честная сделка. Последние дни проведёшь свободной.

Врёт, Зелиг не станет рисковать своим положением.

– С тобой? Лучше сдохнуть здесь, – сердито ворчу я.

Он изучает меня, словно видит впервые, на его лице ни тени обиды – знал, какого ответа ждать.

– Я отправляюсь на поиски твоего любовничка. Вчера была страшная непогода, надеюсь, он убилися где-нибудь в горах. А если нет, тем хуже для него.

Наверное, я должна бы испугаться за Макса, ведь Зелиг прав, в непогоду он мог потерять контроль над машиной и разбиться, но я не волнуюсь, а лишь отгоняю мысль, что Макс получит по заслугам. Ведь несмотря на подлость, он не заслуживает смерти.

– Ты пытаешься задеть меня этими словами?

– Я хочу, чтобы ты подумала ещё раз. А когда вернусь, сказала мне свой положительный ответ.

– Если и доживу, мой ответ не изменится.

Он ехидно улыбается и вдруг хватает за плечи и обшлюнавливает мне губы. Я с трудом отпихиваю его.

– Шнод!

Он уходит, довольно похихикивая.

Я иду к воде и мою лицо и рот. Лучше умереть, чем воспользоваться его предложением. Да и кто ему позволит меня увезти? Он едва получил ранг, к тому же Доверенные не летают во внешний мир поодиночке, и остальные уж точно не одобряют такую затею.

На дворе вечереет, погода наладилась, и сегодня будет ясная ночь. Но в келье слишком темно, свет, который принёс мастер Гиллад, давно погас. А я хочу убедиться, что грёбаная

отметка и правда исчезла. Мы не видели, как искра покидала моё тело, но вдруг пропустили или не заметили, и смерть мне уже не грозит? Чтобы добыть больше света, придётся забраться на статую, поближе к дыре в потолке, туда, где Близнецы сверлят скромным лучиком отполированную до зеркального блеска безликую башку Демиурга. Искристые капли на крыльях рассеиваются цветными звёздами по полу, стенам и по мне – особенность неизвестного материала, из которого высечен истукан. Этим явлением можно любоваться, когда в жизни всё хорошо.

Здесь не самый большой истукан, но в сидячем положении он достаёт почти до потолка. Вот только лезть на него считается святотатством. Если застанут, неприятностей не оберёшься. Но хуже уже не будет.

Снимаю обувь, забираюсь на его колено, ухватившись за локоть. Идеально выточенный из камня антрацитовый корпус лишь местами одет звёздным светом. Демиург совершенен, а совершенство незачем прятать под балахонами. Поверхность немного скользкая, но я осторожничаю.

Забравшись на его широкое плечо, я оказываюсь прямоком у башки. Вот и дыра в потолке, а кусочек вечернего неба, заглядывающий в неё, старается быть для истукана лицом. Демиург привык хмуриться тучами, улыбаться светилом и плакать дождём, но теперь он примеряет черты человека, забравшегося на его плечо – моя рыжая морда маловата по отношению к его голове и смотрится комично, вспухшие крас-

ные веки – ореол печали вокруг бледно-голубых глаз – не подходят его величию, как и шрам от ожога на шее, который оставила мне Батья-Ир. А вот сувенир из Башни ему подойдёт. Только он и правда исчез, словно испугался Мастера Гиллада.

Сижу на истукане, долго смотрю на запястье – на вид ничего. Может, и правда исчезло? Нет метки – Батье-Ир будет нечего предъявить в суде, и никакого приговора не будет, кроме стандартного наказания. Но лишь прикоснувшись к руке, я чувствую что-то под кожей. Странное ощущение, словно жилы встали поперёк и замкнулись по кругу. Но это не круг, а какой-то многогранник со сглаженными углами, что-то совершенно противоестественное. Тревога холодком забирается под кожу. Как такое возможно? Забывшись, я поскальзываюсь, даже не успев сообразить, ударяюсь об пол, и в глазах темнеет.

Я на свободе, на вершине мира. Воздух прохладный, ветер в лицо. Вдалеке огромный город, который ничуть не удивляет. Я просто стою и смотрю, как шпиль сотен зеркальных башен впиваются в облака, как вены галерей опутывают их тонкими трубами, а по ним, словно кровь, бежит городская жизнь; огни на платформах мелькают и светятся, движется транспорт, люди, и весь город, словно искусственный организм, дышит, живёт. Много миллионов душ. Я знаю все улицы и проспекты, парки и сады. И также знаю,

что этот город мёртв. Почему? И вдруг слепящая вспышка, ударная волна, серая взвесь замирает в воздухе и проливается пыльным дождём на зелёные просторы. А мне так больно, словно в груди выжгли дыру.

Подскакиваю от едкого аммиачного запаха. Я уже видела этот сон!

Вокруг полумрак. Шорох балахонов по соломенной циновке, запах микстур – это Мастер Гиллад прикладывает холод к моей голове, ворчит. Батья-Ир тоже здесь. Стоит и недовольно смотрит на меня.

В голове шумит, никак не могу прийти в себя после сна, в этот раз сложнее прогнать наваждение, собраться с мыслями. Видение слишком яркое, живое, словно я перенеслась в другой мир и стояла там на холодном ветру, наблюдая, как целый город вспыхнул, превратившись в пыль. Кажется, будто песок захрустел на зубах. Но откуда это взялось? Города подобных масштабов и конструкций невозможно вообразить. В архивах нет похожих картинок. Этот сон уже во второй раз оставляет горькое послевкусие, словно вместе с городом погиб дорогой мне человек.

Бывшая наставница выставляет мастера Гиллада и требует внимания к себе. Не думала, что она вернётся, к тому же одна. Я поднимаюсь. Рядом лежит мешочек благовоний, набор для маваара и смена одежды: ритуальное белое платье, расшитое золотым растительным орнаментом с глифа-

ми, плотный балахон. Для суда. Приторный запах цветов, что добавляют в стирку, обволакивает келью, заглушая терпкие курения из древесной коры и скорлупы орехов

– Уже началось? – ехидничает Батья-Ир, подбрасывая благовония на угли.

– Что началось?

Я вздрагиваю при воспоминании о странном ощущении и тут же хватаю себя за запястье. Метка спряталась под кожу, но никуда не делась. словно какой-то паразит. Пожалуй, это верное название для отметины. Ведь то, что поселяется в чужом организме и питается им, убивая, называется именно так. Возможно, эту дрянь всё-таки удастся вытравить и вытащить?

Батья-Ир расставляет на доске шесть глиняных чашечек, разливает по ним горячий маваар, и один только сладко-терпкий запах кружит голову. Чего это она удумала? Нам не о чем откровенничать.

Чтобы высказать всё, что я думаю, не нужен маваар.

– Хотите подлить мне яду?

Батья-Ир удивляется и даже сердится. Ведь как я могла подумать о ней такое? Она усаживается, берёт две чашечки, одну протягивает мне.

– Поговорим по душам.

– О чём? – Я принимаю чашечку.

– Хочу понять, что у тебя на уме.

Она откидывает капюшон, и взгляд притягивает её слож-

ная причёска из переплетения сотен седых кос. Безымянные сёстры трудились над ней полдня, не меньше.

– Могу рассказать и так.

– Нет. Так ты не будешь достаточно откровенна.

– Но вы же надаёте мне оплеух за откровенность.

– Обещаю сдержаться. Суд уже завтра. Я хочу попытаться тебя понять.

Завтра? Так быстро? Ощущение, словно от меня хотят поскорее избавиться. Надо выяснить, почему.

Она проглатывает маваар, я повторяю за ней. Тягучий креплённый напиток согревает желудок, во рту сладко, в голове лёгкий алкогольный дурман – моментальный эффект натошак.

– Вы не умеете любить. Как вы меня поймёте?

Ох, началось. Я больше не управляю своим ртом, как, впрочем, и она. Может, и мне удастся что-то выяснить про паразита на запястье?

– Ошибаешься. Всё, что я делаю, – из любви к народу.

– Или к себе?

Она старается сдерживать эмоции и проглатывает вторую чашечку напитка. Я воздерживаюсь, если приму оставшееся, то свалюсь на месте.

– Обвинений много, – продолжает Батья-Ир, проигнорировав мой комментарий. – Всё гораздо серьёзней, чем ты себе представляешь. Совет непреклонен. Они хотят принять меры в назидание остальным. Но я не буду пугать тебя преж-

двухвременным решением.

В висках стучит пульс, как ритуальные барабаны, которые предстоит услышать. Но догадаться нетрудно – реинкарнация. Это смерть. Но здесь принято считать, что это путь к новой жизни, что я умру, а прежняя душа перевоплотится в новом теле, ведь это будет моё тело, только новорожденное.

– Весьма великодушно с вашей стороны. Спасибо, что постарались не напугать.

У Батьи-Ир от недовольства вздрагивает верхняя губа.

– Ты моя самая неудачная воспитанница, – говорит она, хотя ей не нужен напиток, чтобы лишний раз напомнить об этом. – Зря я надеялась, что ты усвоишь мои духовные уроки, пойдёшь по моим стопам, дашь обеты Безымянной сестры.

Ещё больше бестолковых молений и служений молчаливым Демиургам я не переживу. За время, потраченное на эти бессмысленные занятия, можно переписать весь архив.

– И стану жить во лжи?

– Если люди узнают про мир за стеной, мы потеряем Аллидион, а это единственное безопасное место на Эйдосе. Оглянись, мы живём в гармонии, у нас есть всё – чистый воздух, вода, продукты. Вера объединяет нас. А там за всё это приходится бороться. Люди злы и постоянно воюют друг с другом.

Вот и пошло откровение Батьи-Ир. Впрочем, она не сказала ничего неизвестного мне, я и так подозревала, что за

стеной есть люди, а теперь она это просто подтвердила.

– Может, нашим людям стоит предоставить выбор, и они сами решат, что для них лучше?

– Ну хватит! Это уже перешло все границы! – рявкает она и прищуривается. – Ты же не настолько глупа, чтобы бездоказательно ляпнуть о внешнем мире на суде?

Вот теперь я узнаю свою собеседницу – приказывать в её духе. Но она права, без доказательств мне никто не поверит. Батья-Ир скажет, что у меня слишком яркое воображение, народ посмеётся, и на этом веселье закончится, а приговор останется. Но ведь невозможно, чтобы из двух тысяч человек, живущих в Аллидионе, о жизни за стеной догадывалась только я. Может, хоть кто-то задумается о правде, в случае, если мне будет уже нечего терять, если суд, как она полагает, приговорит меня к реинкарнации? А он ведь приговорит, потому что в свой прошлый визит Батья-Ир ясно дала понять, что управляет судом и хочет от меня избавиться.

Эта мысль оглушает меня, в глазах темнеет.

– Раз уж вы всё равно заткнёте меня навсегда, – с трудом выдавливаю я догадку, которая не укладывается в голове, – может, объясните тогда, что это за метка? Почему вы считаете её плохим знаком?

Она берёт чашечку и вкладывает мне в руку. Свою выпивает и ждёт, пока я последую её примеру. Не хотелось, но выбора нет. Напитка всего на глоток, и у меня перед глазами плывёт довольная физиономия Батьи-Ир. Вряд ли она пьяна

настолько же. Напряжение проходит, мышцы расслабляются, я даже успокаиваюсь, словно все беды разом улетучились и мне не грозит страшный приговор.

– Метка – это артефакт Демиургов. Древний, как сама жизнь. Ни один смертный не имеет права прикасаться к нему, пока не станет Верховным Обаккином, и тем более его нельзя выносить из Башни и осквернять грязными словами.

Это я уже и так поняла.

– А если её больше нет? Если она покинула меня?

Как и понятных эмоций на лице Батьи-Ир. Она молча хватает меня под локоть, заставляя подняться и пройти с ней к двери, выталкивает во двор, залитый ярким светом, и отводит подальше от дежурного. В её движениях проскальзывает не полностью сглаженная алкоголем раздражительность, но мне всё равно.

Как же хорошо снаружи! Набираю полную грудь свежего воздуха, не могу надышаться и налюбоваться надоевшими видами. Слева в скалах шумит водопад или это шум в моей голове? В кронах деревьев ветер гоняет садовых птиц, они чирикают, не переставая. Оказывается, после тёмной кельи по всему этому можно соскучиться.

Прямо над нами, вопреки природной гармонии, возвышается антрацитовый гигант не из мира сего – Башня, наградившая меня паразитом. Паруса открыты, повёрнуты к Астре – неизменный центр Аллидиона. Бывает, хочется зажмуриться, открыть глаза и увидеть другой пейзаж. Но вместо

этого перед глазами, как всегда, рукотворными сталагмитами торчат жалкие здания, такие же антрацитовые, как и сама Башня. Вот только высотой с ней не сравнится ни одно: самое высокое – мой любимый архив, пять этажей. Рядом на холме Обсерватория, чуть в стороне двухэтажная клиника и жилые башни-карлики в ограждении скал. Под тенью соединительных галерей прячутся цветущие сады, где прохлаждаются святоши, и храм, вырубленный в скале. Пейзаж всегда одинаков, даже люди не меняются, носят похожие балахоны и реинкарнируют после смерти, заново возвращаясь сюда.

– Смотри теперь. – Батья-Ир привлекает моё внимание к запыстью.

А я уже и забыла, зачем мы здесь. Задираю рукав, и то, что вдруг показывается из-под него, заставляет меня вздрогнуть: шестигранная фигура величиной с отпечаток большого пальца прекрасно видна. Она под кожей. Трубчатая, как вена, такая же голубоватая. В лучах светила искрится серебристыми искорками по граням. Я только успеваю открыть рот от удивления и задуматься: что за странная геометрия? Почему её отлично видно при дневном свете, а при искусственном нет?

– Это... это что за шнод? – вырывается у меня. Даже маваар отпускает, и я теперь понимаю реакцию Мастера Гиллада. Плохо дело. – Артефакт можно удалить?

Батья-Ир морщится, я жду оплеуху за ругательство, но она обещала сдержаться, поэтому просто толкает обратно в

келью, в душный полумрак. Мы останавливаемся как раз под истуканом. Она вздыхает и натягивает маску снисходительности.

– Мастер Гиллад не станет ничего удалять. Совет не одобрит дерзкого вмешательства в волю Демиургов. Ведь если Они тебя отметили, значит, решили тебя призвать. Ты отправишься к Ним. А если мастер не послушается, Демиурги его накажут, а суд не допустит к твоей защите.

– Значит, эта штука меня убьёт? Так я попаду к ним? – Язык с трудом поворачивается, чтобы это произнести, и осознание неизбежного отрезвляет меня. – Когда? Сколько мне осталось?

– Кто знает. На всё Их воля, – задумчиво произносит бывшая наставница, пожимая плечами. – Если начались странные галлюцинации или необычные, из ряда вон сны, потери сознания, вот как сейчас, то считай, твои дни сочтены.

Меня пробирает ледяная дрожь. Эти сны про странный город как раз начались после появления артефакта. Но сознание я потеряла потому, что упала со статуи. Или нет?

– Почему же они не убили меня сразу, чтобы забрать к себе? Зачем я им вообще?

– Может, хотели преподать урок? Чтобы ты в Них поверила?

Батья-Ир собирает набор для маваара и разворачивается, чтобы уйти. Я стою в полном замешательстве.

– Не трать время зря, – бросает она через плечо. – Мо-

лись. Очищайся. Сделай хоть что-нибудь правильно. – Она подходит к двери и распахивает её. – Утром придут сёстры и подготовят тебя к суду.

Я вздрагиваю от хлопка двери. Единственное «правильно», которое я знаю, – это архив. Там могут быть ответы. Если бы я могла туда попасть, чтобы порыться в исторических фолиантах, то поискала бы про необычные артефакты. Обычные не лезут людям под кожу и не принимают шестигранную форму. Наверняка за всем этим нечто большее, чем рассказала Батья-Ир. Она явно что-то не договаривает. Вот только мне не выбраться из кельи и не попасть в архив. Можно кого-нибудь попросить, ну а толку? Лучше избавиться от этой штуки. Но я не смогу это сделать сама, даже будь у меня инструменты и дневной свет. Неужели я в безвыходном положении? Этого не может быть, Батья-Ир сказала, что утром придут сёстры, вот они мне и помогут.

Глава 4. Амфитеатр

Дверь нараспашку, яркий утренний свет пронзает тюремный полумрак, дразнит свободой, но ведёт он вовсе не к ней: снаружи свита Батьи-Ир и четверо Безымянных, готовых сопроводить меня на суд. Моих подруг среди них нет, и хорошо, что они не поддерживают всё это, но поддержка Булки сейчас бы не помешала. Сердце подпрыгивает, с каждым шагом становится труднее дышать, и я останавливаюсь у двери, провожая взглядом трёх сестёр, которые отказались помочь мне избавиться от артефакта. Даже разговаривать не стали, обращались со мной как с куском баркачье́й лепёхи, словно им противно прикасаться ко мне. Что наговорила им Батья-Ир?

Так и стою у выхода, не могу двинуться дальше. Дело не в узком воротнике до подбородка, сжимающем горло, не в чёрной маске, что едва пропускает воздух, и даже не в тяжёлом наряде из плотной белой ткани до пола. Дело в дурном предчувствии.

Пока колеблюсь, один из четвёрки одинаковых балахонов снаружи отделяется и подходит ко мне. Мирим испуганно тарашится на церемониальную маску без лица и дурацкое

нагромождение кос на голове, которое целый час сооружали сёстры с каменными лицами. В руках Мирима оковы.

– Рыжик, прости, я не хотел.

– Она заставила тебя? – Собственный голос из-за маски звучит неузнаваемо.

Лучше бы надели мне мешок на голову, сквозь него дышать было бы проще. Мирим бросает на меня грустный взгляд, в глазах стоят слёзы. Дрожащими пальцами он пытается захлопнуть железки на моих запястьях и закрутить крепления, но задерживает взгляд на участке кожи, торчащем из-под широкого рукава. Сейчас там ничего не видно.

– Клянусь, я уйду с этой службы! – сердится он.

– Нет! Это хороший выбор.

– Плохой. Но дело не в этом. Она сказала, мастер Гиллад не поможет.

– Как? Почему? – не понимаю я. – Что случилось?

Меня словно окатили ледяной водой. Без него нет шансов!

– Она не сказала.

Мирим никак не может справиться с проржавевшей застёжкой, решает обойтись без оков. Остальные Безымянные напрягаются от своевольного жеста мальчика, подбираются, переглядываются. Оковы, как и маска, – часть костюма, представления, традиции. Их нельзя отменять.

К нам подходит Безымянный, которого я не знаю, отпихивает Мирима, выхватывает из тонких пальцев браслеты,

легко заковывает меня и выводит из кельи.

Теперь все они довольны. Две сестры и Мирим плетутся позади, мелкие и задавленные широкой спиной незнакомо-го Безымянного. Не помню, чтобы на службе Батьи-Ир был столь высокий здоровяк. Лица его не видно из-за нахлобученного капюшона, впрочем, мне нет дела до того, кого она набирает в помощники. Меня беспокоит мастер Гиллад, он бы не отказался от помощи мне просто так. Что-то случилось?

Я понимаю, что дрожу, хотя на дворе тепло, несмотря на лёгкий ветер и срывающийся дождь. Хочу вдохнуть утреннего воздуха, но получаю только жаркий дух древесины, из которой сделана маска. Голова кружится, глаза режет яркий свет. Жаль, не притвориться больной или мёртвой, чтобы никуда не идти.

Холодный пот заливает глаза под маской, и сквозь прорези становится трудно различать путь. Я спотыкаюсь, но святоша не даёт мне расквасить нос о древнюю плитку, давно не выдавшую преступников.

Нас догоняет Мирим.

– Тебе нужно бежать, – шепчет он, глядя под ноги. – В стене есть прореха. Я сходил туда. Те слухи про беглеца – правда.

Всё тело деревенеет от страха. Раз предлагают бежать, дела ещё хуже, чем я думала, и побег – единственный шанс на спасение. Но прореха в стене всегда казалась вымыслом. Ды-

ра, которую оставил беглец почти двести лет назад, правда существует? Когда мы с Максом были в Башне, Доверенные говорили о прорехе в стене, они имели в виду именно это место? Про другие я не слышала.

Здоровяк замечает Мирима, идущего рядом со мной, и тот сразу же отстаёт. Говорить нам нельзя.

Амфитеатр. Мраморное углубление в роще цветущих сапн – место для сборищ, медитаций, судов и развлечений тонет в ритме ритуальных тамтамов и рокоте людских голосов, забираясь под кожу колючими мурашками. Каждое мероприятие здесь – театральная постановка. Зрители спешат занять места поближе к сцене, хотя вся обитель в амфитеатре не поместится, и большинству святош не повезёт отвоевать удобное местечко. Но прибывший народ, не избалованный зрелищами, ждёт новых впечатлений и внимательно следит, как загадочного индивида в маске, то есть меня, выводят в самый центр, оставляя возле массивного трона Верховного Обаккина.

Что ж, тонуть так с гордостью. Декорации готовы, объявляется последний штрих. Вокруг серо-бурая масса любопытных святош. Сотни лиц непрерывно следят за каждым моим движением, и от их взглядов хочется укрыться несмотря на маску и капюшон, но я выдерживаю их бессловесный натиск. По традиции деревянная личина и нелепый наряд вынуждены прятать меня ото всех, кто так или иначе знает меня в лицо, и помогать судьям принимать решения беспристраст-

но. Если Совет признает меня виновной, маску снимут, чтобы удовлетворить любопытство толпы. Если нет, сама решу, как поступить. Проблема в том, что благодаря всей истории с Максом, Совет прекрасно осведомлён о том, кто я.

Хорошо, что можно спрятать дрожащие руки в рукавах балахона. Жаль только, что успокоиться не выходит. Все-го-то надо пережить пятнадцать минут позора, но время в этом месте будто идёт иначе, растягиваясь на мучительные часы.

Смотрю вдаль, сквозь жужжащую толпу балахонов, стараюсь сохранить остатки достоинства. Представление начинается. Верховный Обаккин прибывает в паланкине, с помощью святош перебирается на высокий трон и тонет в подушках. Справа от него Совет Чёрных в балахонах священного чёрного цвета. Весь конклав в масках вроде моей, советникам не положено снимать деревянные личины во время заседаний. Слева – место защитника, Мастера Гиллада. Но его нет даже среди других святош. Тревога прокатывается по телу ознобом. Что-то случилось?

Его место занимает Батья-Ир, единственная из Совета, кому разрешено показывать лицо. Она снимает маску и проходит на место защитника. Свита остаётся в стороне.

Тамтамы вдруг замолкают, глухой «бам» заставляет вздрогнуть. Гонг предвещает начало спектакля, и сотни взглядов устремляются к Верховному. Он поднимает тощую сухую руку. Шёпот постепенно стихает. Верховный здесь ав-

торитет и голос Демиургов, его власть непоколебима. Вот и момент истины. Наступает гробовая тишина: только ветер шумит; играет с лепестками; кружит цвет голубой сапты; несёт его волной по двору, под ногами Совета Чёрных Обаккинов, стремящихся в Верховные; задевает подола балахонов вечно недовольных Матров, этих обаккинских лизоблюдов; быстро огибает Доверенных. Лишь они имеют доступ к свободе и знают, что там – за стеной. Потому их самомнения раздуты, как большой воздушный шар, привязанный над сценой. Ветер гонит лепестки мимо уважаемых Мастеров и Наставников, огибает толпы наивных Безымянных, Святых сестёр и братьев, пролетает мимо подмастерий вроде меня. И так, обогнув всю аллидионскую иерархию, от высших до низших, приползает к моим ногам, словно зверёк, отыскавший пристанище. Минутный танец вихря лепестков я наблюдаю целую вечность: время ожидания давно приняло форму бесконечной петли, и сейчас я на одном из её крутых поворотов. Помощник Верховного вещает со своего места, но его почти не слышно. Сердце выскакивает из груди. В ушах гул вперемешку с шумом крови, прилившей к вискам.

– Мастер Гиллад не сможет принять участие по причине болезни, – голос Батьи-Ир вдруг становится громче остальных. – Я буду представлять интересы обвиняемой.

Как? Почему? Нервный шепоток пробегает по рядам. Моё сердце бешено колотится – без его помощи я обречена. Батья-Ир здесь, чтобы поддержать репутацию уважаемой главы

Совета, моя судьба её не заботит.

Пытаюсь сорвать маску, но Безымянные бегут, чтобы поправить её и вернуть на место: пока рано, меня ещё не обвинили. Не знаю, какая защита выйдет из того, чья привычная деятельность всюду находить виноватых.

Не сразу понимаю, что меня просят подойти к Верховному, потому что имя моё не называют. Всего два шага, и я оказываюсь спиной к половине зрителей. Старик восседает выше всех, и его объёмный наряд предназначен, чтобы сделать фигуру больше и важнее, только это не работает: дед слишком стар, его кожа будто помялась и стекла, он весь сморщился, словно высохший гриб, и попросту тонет во всем этом фарсе, но делает это с достоинством. Помощник шепчет ему на ухо мою краткую биографию и вводит в курс дела.

– Была в Башне, я помню, – устало отмахивается он от помощника.

Я впервые слышу тихий, слабый старческий голос Верховного и так близко вижу его морщинистое лицо. Старик пялится на меня, будто видит сквозь маску.

– Все дети любопытны. Даже профессию лекаря пять лет назад ты променяла на работу архивариуса. Хотела быть поближе ко всем знаниям сразу. Это умно.

Он устало глядит из-под тяжёлых век двухсотпятидесятилетнего старика. Помощнику приходится громко повторять для толпы.

– Вообще, я просилась в Доверенные. Это единственный

способ увидеть мир, который якобы погубила трагедия.

Батья-Ир бросает на меня испепеляющий взгляд, я чувствую жар даже сквозь маску.

– Трагедия была. Это случилось давно, но мир не исцелился, – подтверждает Верховный. – Людям нечего делать в этом гиблом месте.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не обвинить его во лжи, но тогда меня лишат слова. Приходится обойтись намёками.

– Поэтому Доверенные проводят там столько времени? Поэтому они не посвящают женщин?

Краем уха слышу, как возмущается толпа, и Совет уже обсуждает способ заткнуть мне рот.

– Женщины хрупки, а внешний мир опасен. – Верховный говорит так, словно сам в это верит. Неужели и его обводят вокруг пальца?

Гнев поднимается во мне, клокочет и плещется через край. Ногти до боли впиваются в ладони.

– Хрупки? Когда нужно таскать мешки и загонять баркатов, о хрупкости вы забываете.

Знаю, спорить с Верховным нельзя, могут выгнать и продолжить суд без меня, но слова уже вырвались, ничего не поделать. Святоши направляются ко мне, Верховный поднимает руку, и они останавливаются.

– Насколько я понял, речь сейчас не об этом, – возвращается старик к главному вопросу. – Ты вошла в Башню, чтобы сбежать в опасный внешний мир.

– Всё верно, – соглашаюсь я.

С фактом, что я там побывала, не поспоришь. Нет смысла. Батья-Ир уже всё давно решила, даже умудрилась убрать с пути мастера Гиллада. Уверена, что тут постаралась именно она. Теперь ей просто нужно показать, какая она хорошая защитница, помогает и даёт мне шанс, который я, несомненно, не заслуживаю. Ощущение, словно меня заталкивают под ледяную воду и держат там, не позволяя вынырнуть и вдохнуть.

Зрители перешёптываются, возмущаются, потом замолкают и ждут реакции Верховного.

Помощник тихо объясняет ему, что я освободила преступника и пыталась сбежать с ним, а глаза старика закрываются, будто он слышал эту историю сто раз и теперь засыпает под надоевшую сказку.

– Прошу Совет учесть, – встречается Батья-Ир, – что обвиняемая не пошла бы на такое святотатство по собственной воле. Брат Макс, принудил её, заставил. Он был известным подстрекателем и нарушил все правила и запреты. Его приговорили к инъекции «чёрной смерти».

Толпа ахает. За последнее время имя Макса слишком часто проскакивало в сплетнях. Ведь в попытках вернуть память он постоянно лез, куда не следовало, и громогласно получал за это. Но никогда за всю историю Аллидиона, а уж я её начиталась, пока переписывала, никого так строго не наказывали за любопытство. Всё дело в том, что Батья-Ир хо-

тела избавиться от Макса с самого начала, только не знала как.

– Брат Макс ведь не на верёвке тащил вашу бывшую подопечную, – усмехается мужской голос, который я также не узнаю из-за его маски. – У неё был выбор. Совету известно, что вдвоём они нарушили много законов. Совет может их перечислить.

– Моя подопечная испытывала слабость перед этим молодым человеком. – Батья-Ир поднимается с места защитника и подходит к Совету. – А когда подобное случается, мало кто из нас способен владеть собой. Вот и ею управляли чувства, вели эмоции. Она всего лишь хотела помочь ему, наставить на путь истинный, вразумить, спасти...

– Мы знаем, – перебивает тот же незнакомый голос, – она неоднократно пыталась. Однако её наставления никак не помогли.

– Стремление помогать другим – качество, которое мы воспитываем с детства, – возражает моя защитница с елейным видом. – На этом основано наше общество.

Не ожидала, что она так ловко всё вывернет, словно заступается за меня. Хочется ей верить. Но наши отношения всегда были натянутыми, и это только кажется, что она решила встать на мою сторону. Батья-Ир лишь должна подтвердить, что достойна звания главной советницы.

– Совет учтёт ваше замечание. Давайте продолжим, – торопит одна из масок.

Верховный, кажется, дремлет, и никто не пытается его разбудить, потому что вмешательство в покой Верховного противозаконно.

Совет вызывает Зелига, он поднимается и подходит к ним. У меня сейчас выскочит сердце.

– Святой брат Зелиг, расскажи, что ты видел.

Он оборачивается и бросает на меня выжидающий взгляд, я едва заметно качаю головой. Тогда он снова поворачивается к Совету.

– Она помогла преступнику сбежать и привела его в священную Башню. Вместе они украли дирижабль. Из-за непогоды они могли погибнуть оба, и я не мог этого допустить. Но остановить мне удалось только её. Однако дирижабль и брата Макса мы потеряли.

Благодетель сраный! Что бы он наплёл Совету, согласишься ли на его предложение?

– Выходит, обитель лишилась ценного имущества, – продолжает другой голос. – Вам удалось отыскать беглеца?

Имущество, которое украли вы сами! В очередной раз задаюсь вопросом: где Демиурги с их карающими метками?

– К сожалению, нет.

– Значит, обвиняемая может оказаться причастной к его гибели.

Возмущение вскипает во мне, и я едва сдерживаю этот кипяток.

Не хватало, чтобы меня обвинили в смерти Макса. Но уве-

рена, он выжил. И после такого трусливого поступка я сама не прочь найти его и прибить.

– Мы осмотрели окрестности, но не нашли никаких признаков его гибели, – говорит Зелиг и смотрит на меня с видом «я не такой шнод, как ты думаешь».

На самом деле это он настоящий преступник – захватил человека, стёр его жизнь, заставил участвовать в экспериментах, – а перед Советом отвечаю именно я. Остальные Доверенные смотрят на меня снисходительно.

– Спасибо, брат Зелиг. Можешь вернуться к своим, – отпускает его советник. И Зелиг уходит со сцены.

Градус вранья зашкалил, и я больше не в силах сдерживать кипятик.

– Дирижабль принадлежал Макс.

Доверенные недовольно косятся на меня, по толпе зрителей пробегает нервный шепоток. Люди, конечно, делают выводы, но не все могут поверить.

Я готова признать, что совершила святотатство, хотя и не хотела, готова сознаться, что нарушила священные запреты. Но не могу согласиться, когда на меня нагло навешивают то, чего я не делала. Когда у человека хотят отобрать жизнь за то, в чём он не виноват! При том, что они знают обо всём, но продолжают меня обвинять! Что стало со справедливостью в нашей обители?! Всё равно меня приговорят или убьёт метка, так зачем оттягивать неизбежное?

– Мы ничего не крали. Макс вернулся туда, откуда при-

был.

Наступает тишина, все глазают на меня с открытыми ртами.

– Враньё! – В толпе находится смельчак, но трудно понять, кто именно это прокричал.

– Давно ты знаешь брата Макса? – обращаюсь к загадочному смельчаку. – Или, может, кто-то из вас знал его с детства?

Толпа начинает встревоженно переглядываться. Но никакого бунта не случается. Батья-Ир глядит зло.

– Разумеется, знали, – усмехается голос из Совета. – Когда человека обвиняют, он придумает что угодно для своей защиты.

Ну, конечно. Кто мне поверит? Но кто-то ведь может! Не я ведь единственная задумывалась о жизни за стенами Аллидиона. Все просто боятся, это мне терять уже нечего. Народ замолкает и снова переключает внимание на Совет. Кто-то поддакивает словам советников.

– Сейчас мы разбираем другое дело, – подхватывает Батья-Ир, её злой взгляд в мою сторону означает: «Ты всё равно проиграешь». – Демиурги пометили нашу сестру священным артефактом.

Меня сковывает холод – ну вот и началось. Надежда, что всё это было дурным сном развеивается, проступает чистая, злая реальность. Толпа вновь начинает галдеть, после такого признания все вмиг забывают о дирижабле и Максе. Ба-

тья-Ир знает своё дело, манипулировать людьми у неё выходит выше всяких похвал.

– Это означает, что за непослушание они призывают её к себе, в космический простор, – поясняет другая маска в узкую прорезь для рта. Речь звучит как заготовленная. – Ей придётся возратить артефакт. И сделать это в кратчайшие сроки.

– Что будет, если артефакт не вернётся в Башню? – словно нарочно спрашивает кто-то из Совета.

– Артефакты принадлежат Демиургам. Через Башню артефакты поддерживают стабильность нашего города. Как её остовы, крепления. Каждый элемент должен быть на своём месте, как и задумано изначально.

Эта новость меня удивляет. О какой стабильности они говорят? Намекают, что можно разрушить город, созданный самими Демиургами, выкрутив одну лишь деталь, едва заметную гайку? Батья-Ир и мастер Гиллад этого не говорили. Но и я ничего не выкручивала. Демиурги сами поместили её в меня, чтобы показать, что они меня забирают. Стали бы они рисковать городом? Тут что-то не сходится.

«Воровка! Предательница! Осквернительница! Не дайте ей разрушить обитель!» – один за другим следуют возгласы из толпы.

Общая масса взволнованно галдит, но я не пытаюсь вслушиваться, и так ясно.

Всем известно про священные артефакты, но никто не

представлял, на что они похожи, и никогда не видел божественных меток. Поэтому всем любопытно, люди ждут продолжения, слова Верховного, но он мирно посапывает на подушках: старику всё равно, а значит, Совет поступит, как захочет. Дурное предчувствие душит меня.

Помощник просит тишины. В тенистой аллее затих даже ветер. Кажется, будто трава, что выбилась из щели промеж плиток, застыла в ожидании зрелища.

– Мы не можем отрицать важность артефакта, – подтверждает Батья-Ир. – Нужно ускорить его возвращение в Башню. Ради безопасности.

– Разумеется, уважаемая глава Совета, – чуть ли не нараспев произносит одна из советниц в маске. – Пока соблюдаются древние законы аллидионской обители, а сёстры и братья не воруют дирижабли, наша культура процветает в мире и спокойствии.

– Учитывая все вышеперечисленные мной обстоятельства, обвиняемая может рассчитывать на снисхождение?

Какое может быть снисхождение, если всё равно помирать?

Кто-то из Совета требует предъявить доказательство. Безымянные подводят меня к маскам, задирают оба рукава, снимают оковы. На левой руке сверкает неизменный шестигранный паразит. Толпа шепчется, Обаккины и святоши из Совета удивлённо разевают рты, все, кроме Батьи-Ир. Та задумчиво откидывается на спинку кресла, словно знает боль-

ше остальных. Помощник между тем объясняет зрителям, что артефакт принадлежит Демиургам, является неотъемлемой частью Башни и столетиями охраняется Обаккинами. Поэтому им, простым смертным, его не покажут.

– Непосвящённым запрещено ступать на территорию Священной Башни и созерцать священные реликвии, – громко, чтобы перебить гул возмущённой толпы, заявляет маска из Совета. – Таково веление Демиургов, а нарушение его – осквернение и святотатство, которое приводит к хаосу и смерти. Поэтому не ждите никаких снисхождений.

Толпа сразу затихает, и маска продолжает, теперь обращаясь к Батье-Ир:

– Если у вас, кроме идеи о принуждении, нет других доводов, Совет готов принять решение согласно закону.

Мышцы напрягаются, я каменею в ожидании неизбежного. Совету не нужно долгих дискуссий, они всё решили, пока я сидела взаперти, и мне это решение известно. Но пока оно не прозвучало, его вроде и не было, но сейчас его произнесут. Сердце громко стучит.

Весь этот балаган на потеху публике. Ну и в назидание заодно. Батья-Ир задумчиво смотрит на меня, потом на спящего Верховного, затем кивает Совету. И я, выставленная перед всеми напоказ, как заспиртованный экспонат на полке в лаборатории, ожидаю своей участи, мысленно отгораживаясь от толпы, и в глубине сознания сжимаюсь в маленький комочек.

– Совет признаёт сестру виновной в осквернении и святотатстве и считает её угрозой Священной обители, – скрипит помощник Верховного с трибуны. – Совет приговаривает её к реинкарнации и даёт одни сутки – двадцать шесть часов на приготовления и моления. Священный артефакт вернётся к Создателям после принятия ритуального питья.

Я знала, что они это скажут, но ощущение, будто меня бьют по голове этими словами, ставшими настоящими – материальными и тяжёлыми. Они ошеломляют до глухоты и слепоты, всё расплывается перед глазами, я смотрю на Совет, но ничего не вижу, от рокота голосов дрожит воздух, но уши будто забились ватой. Поверить трудно, всё происходит словно не со мной. Снимаю маску, не обращая внимания на возгласы толпы, мне нужен воздух. Может, я всё неправильно поняла?

Верховный спокойно посапывает на троне, не встречается и не перебивает, как это случалось прежде. Неразборчивый гул толпы скатывается на дно воронки амфитеатра вместе с неудачной попыткой закидать меня тухлыми овощами.

Глухой звон гонга знаменует конец балагана. Дрожь пробегает по телу, и я наблюдаю, как один из Безымянных несёт чёрную шкатулку и ставит перед Советом. На крышке обаккинский древний символ – я узнаю его, это же шестигранник! Точно такой, как на моём запястье, только светится бледно-голубым. Что это значит?

В шкатулке «чёрная смерть», но не инъекция, а ритуаль-

ное питьё – я должна буду прилюдно покончить с собой, чтобы потом родиться заново с новой чистой душой. На моей памяти такого ни с кем не случилось, но благодаря Батье-Ир меня осудили, словно я убила и съела человека.

Гонг выбивает из меня способность ясно мыслить и чувствовать. Время останавливается, я вместе с ним и в ступоре таращусь на Совет, пытаюсь услышать некое «но»: отмену, смягчение, опровержение, ведь я не первая забрела в Башню, и это не первый суд из-за осквернения святыни. Совет молчит, встаёт с мест, расходится, а я не верю, что этот флакончик для меня.

Глава 5. Чёрная смерть

Таращусь на шкатулку. В голове не укладывается, будто всё сон или случилось с кем-то другим. «Чёрная смерть» заставляет кровь стынуть в жилах в буквальном смысле. Убивает медленно, парализует тело, запирая сознание в неподвижной оболочке. Отделяет духовное от материального, будто хищная тварь, которая переваривает жертву изнутри. Святоши не марают рук, их хитрый ритуал заставляет приговорённого принять яд. Потом моё тело поместят в древнюю ритуальную машину, похожую на саркофаг, через год появится младенец, ей дадут моё имя... Ведь только так здесь появляются дети. Только через перерождение.

Не может быть, чтобы всё закончилось.

– Вам врут! Вы тут заперты! А за стеной настоящая жизнь! – ору я в толпу, раз уж нечего терять. Кто-то смеётся, кто-то хмурится. – Подумайте сами!

Безымянные сёстры быстро являются на мои крики. Удушливая маска возвращается на лицо, и теперь орать нет смысла, маска всё заглушит. Оковы защёлкиваются на запястьях, и меня проталкивают через толпу, как упрямого барката. Сестра впереди, вторая замыкает строй, где-то позади

мелькает Мирим, стараясь не отставать. Мы быстро шагаем сквозь расступающуюся толпу аллидионцев, подметающих подолами балахонов идеально выточенные каменные ступени. Кто-то пытается протиснуться ко мне, не знаю зачем, может, чтобы надавать тумачков. Его вряд ли подпустят. Мои подруги, которых я теперь по праву могу назвать бывшими, шарахаются, словно боятся подхватить заразу. Для них осквернивший святыню нечист духом, всё равно что заразен. И Совет ясно показал: впредь тот, кто нарушит правила, подцепит мою инфекцию и отправится следом в небытие.

Площадь и люди быстро остаются позади, гомон толпы смолкает, едва конвой проводит меня через мост. Мир мутной полосой плывёт перед глазами. Я ничего не вижу, не слышу и не чувствую, словно меня поместили в огромный воздушный шар и тянут на верёвке. Лишь надеюсь, что сейчас подует спасительный ветер, вырвет меня из цепких пальцев обители и унесёт подальше.

Нужно бежать. Куда? В Башню и броситься с платформы вниз головой? Нет, Мирим что-то говорил о проломе в стене, предлагал бежать именно туда. Но где он? Может, под одним из обвалов? Тогда к нему не подобраться.

Не замечаю, как оказываюсь в келье. Сёстры бормочут нелестное о моих умственных способностях. Что следовало, а что не следовало делать, и как доблестная Батья-Ир пыталась помочь мне, недостойной, которой вообще следовало отрезать язык. Их слова хлещут пощёчинами, но я не обра-

щаю внимания, голова занята другим.

– Ну хватит уже. – Мирим отталкивает обеих сестёр и обнимает меня тощими, как палки, руками.

Сколько бы я ни пыталась его откормить, всё такой же костлявый. Но хотя бы живой, силы прибавил и по росту меня догнал.

– Прости меня, Рыжик! Я не хотел, чтобы так вышло!

Хочется обнять в ответ, но мешают оковы. Слова не идут, мыслей нет, кроме как о способе выкрутиться.

– Никто не хотел, – бормочу я. – Кроме Совета и Батьи-Ир.

– Ты переродишься и вернёшься, а я расскажу, что случилось, – говорит он, и по бледным щекам катятся слёзы. – Ты ведь сделала это для меня, когда я умер в прошлой жизни.

Да, но вырос он совсем другим и ничего не помнит о себе прежнем. Я хочу рассказать, как его предшественник погиб, спасая детей, забравшихся на парус Башни на спор, но каждый раз умалчиваю, потому что кажется, – это не его история. И те воспоминания – лужа крови на чёрной каменной плите, удушающий железный запах забивается в лёгкие так, что невозможно вдохнуть. Он не шевелится, и я не могу сдвинуться с места. При каждом воспоминании желудок сдавливают невидимые пальцы, меня мутит, сознание уплывает.

– Рыжик? – пробивается сквозь муть беспокойный голос Мирима.

Я фокусируюсь на нём, глубоко вдыхаю, справляясь с приступом. Мирим похож на себя прежнего только внешне: те же добрые глаза, светлые волосы, веснушчатый нос, улыбка, при виде которой веришь в добро в людях, но характер совсем другой – более сдержанный и послушный, привычки – и те другие. Может, дело в том, что я недостаточно хорошо помню того – взрослого, а этот ещё ребёнок? В любом случае жизнь того Мирима оборвал несчастный случай, а этот ничего не помнит о прошлом. Никто из нас не помнит своё прошлое.

– Тебе не позволят. – Треплю его лохматую русую макушку, стараясь не ударить цепью по лицу. – Рассказывать запрещено, а ты любишь правила.

– Эти правила тебя погубили! В баркачий зад такие правила! – Мирим утирает нос рукавом. – Сбеги, умоляю тебя! Я постараюсь помочь.

– Не подставляйся. Батья-Ир приговорит и тебя. Не надо. Он шепчет ещё что-то неразборчивое, но сёстры оттаскивают его от меня и уводят.

Он прав, побег – единственный выход, ведь сдаваться на милость святош я не собираюсь. Что там говорилось в архивных записях про пролом? Небольшая группа химиков-бунтарей искала ворота, но не нашла, зато подорвала искусственный участок между скал, служащий барьером. Их завалило, выжил и сбежал только один. Доверенные отправились на поиски, но никого не нашли, только Демиурги зна-

ют, что с ним стало. Замёрз, утонул, умер от голода или его разорвали дикие звери. Разумеется, он не переродился. Реинкарнация возможна только в Аллидионе, а за его стенами любого ожидает лишь ужасная, конечная смерть, и все здесь свято в это верят.

Пролом заложили камнями, всё заросло лесом и со временем забылось. Сто лет прошло как-никак. Или двести? Как раз недалеко от оранжереи есть старые заросли, горкой поднимающиеся к стене. Не исключено, что именно за ними прячется спасительная дыра.

Мысль о проломе возвращает меня к жизни, будто всё это время чьи-то невидимые руки сжимали горло и вдруг отпустили. Я снова дышу, вижу, слышу, чувствую и понимаю – вот он шанс. Нужно проверить.

Но чрезмерное воодушевление быстро спадает. В мире вокруг Аллидиона может быть что угодно: как джунгли с дикими зверями, так и обрыв в пропасть. А знаний, почерпнутых из старых книг, не хватит, чтобы выжить в дикой природе. Только с Максом всё могло получиться наверняка, но в последний момент он будто решил не брать лишний груз. Это странно и непохоже на него.

Теперь я сижу в камере смертников в компании молчаливого Демиурга. словно ничтожная букашка, приколотая булавкой к бархатной подушечке коллекционера: могу шевелить лапками сколько угодно, но отцепиться и уползти без посторонней помощи вряд ли получится. Хотя смириться и

позволить себе сдохнуть я не планирую.

Моя подруга Булка ни разу не заявила проводить. Неужто перед моей смертью ей нечего сказать? Мы ведь всегда были вместе, жили в одной келье, делились секретами, впрочем, когда я намекнула, что жизнь снаружи существует, она покрутила пальцем у виска. Про Макса, кто он и откуда, я не рассказывала ей вовсе, ведь дала слово мастеру Гилладу. Может, она обиделась? Неприятно осознавать истинную ценность дружбы: я оказалась в беде, а она отвернулась, даже не попытавшись разобраться.

Смотрю на антрацитовую статую с надеждой на помощь. Демииург молчит. Ему, как всегда, плевать на меня с высоты. Что ж, это взаимно. Осталось обдумать способы побега: как открыть замок, обойти сторожа за дверью, добежать до обвала. А если там ничего нет? Никакого просвета среди камней? Нет, Мирим сказал, что проверил. Мог ли он ошибиться?

Дверь вдруг распаивается, сбивая меня с мысли. Это Батья-Ир. Она в молчании проходит к статуе, усаживается на циновку и предлагает мне последовать её примеру. Не понимаю, она победила, зачем тратит на меня время? Но это не важно.

– Почему мастер Гиллад не пришёл на суд? Что-то случилось?

– Сердце. Сейчас он под присмотром в лазарете.

Я удивляюсь. Она говорит так, словно болезнь сердца – его привычное состояние. Но старый лекарь здоровее мно-

гих. С чего бы его сердце подвело, ещё и в такой день? Весьма удачно для Батьи-Ир.

– Мне нужно к нему. – Я поднимаюсь и шагаю к двери: всего пять широких шагов. Хватаю массивную ручку, замечаю дрожь в пальцах.

– Ты заключённая под стражей. Твои пожелания больше не учитываются! После моего ухода тебе будет дозволено общаться только со жрецом и только здесь.

Я опускаю руки. Батья-Ир не оборачивается. Дверь заперта, ей не о чем беспокоиться, она вообще слишком спокойна и, кажется, даже довольна, как баркат на пастбище. Зачёрпывает чашей воду из ниши и пьёт.

– Я должна попрощаться!

– Раньше надо было думать! – рывкает она, оторвавшись от чаши, и на этот раз пронзительно глядит на меня. – Сядь, пожалуйста!

– А то что? Убьёте меня дважды? – Я остаюсь стоять, скрестив руки на груди. – За что вы ненавидите людей? А меня? За всю жизнь так и не удалось понять.

– Я не отношения пришла выяснять.

– А что тогда? Позлорадствовать?

– Не делай из меня монстра! Ты нарушила закон, Совет принял решение на основе Завета. Ни я, ни тем более мастер Гиллад не смогли бы повлиять на него. Прими это достойно, позволь артефакту вернуться к Демиургам. Только так ты принесёшь благо обители и тем немногим, кто тебе дорог.

Важных для себя людей я и впрямь могу пересчитать по пальцам одной руки. Единственные, кому здесь можно доверять, это Мирим, которого вырастила я, и Мастер Гиллад, который вырастил меня.

– Почему Совету просто не изгнать меня? Зачем весь этот спектакль с ритуалом чёрного яда?

– Вот за этим я здесь. Как бывшая наставница я обязана рассказать тебе правила, как всё будет происходить и почему. Так что сядь уже наконец и выслушай меня!

Я подхожу и сажусь на циновку рядом с ней.

– Избавиться от артефакта можно только в месте, откуда он появился. Артефакт обязан вернуться в Башню, для этого придётся провести ритуал в ней.

– А как же осквернение и прочая ваша ересь? – удивляюсь я.

Батья-Ир с трудом сдерживает накативший гнев, внимательно наблюдая за мной.

– Для этого я принесла тебе молитвенник. – Она достаёт из складок мантии книгу и протягивает мне. – За сутки ты должна прочесть очищающие мантры. Демиурги позволят тебе войти и вернуть им артефакт.

Можно подумать, в прошлый раз они мне запрещали войти. Им даже на Макса плевать было. Он спокойненько достиг цели.

Я не притрагиваюсь к книге, она кладёт её между нами.

– И как же я это сделаю?

– Ты примешь питьё, которое тебе дадут Обаккины, и артефакт вернётся к Демиургам вместе с твоей душой. В мёртвом теле артефакты не живут. Можешь выбрать тех, кто будет в этот момент рядом с тобой.

Она говорит это, словно артефакты живые. Ну точно какой-то паразит.

– Тебе повезло, что твой подопечный оказался умён. Сбеги ты во внешний мир, артефакт просто убил бы тебя. А так ты хотя бы переродишься и будешь жить снова.

– Везение у меня прям фантастическое, – ворчу я. – С чего вы взяли, что артефакт меня убьёт? Чувствую я себя здоровее некуда.

– Чтобы попасть в мир Демиургов, в этом мире нужно умереть. А как иначе? Это сейчас ты ничего не чувствуешь, но потом будет боль, безумные сны, галлюцинации; ты потеряешь связь с реальностью и, в итоге, умрёшь.

Она пытается меня запугать? Мастер Гиллад не говорил про галлюцинации, а ему я верю больше, чем ей. Но сейчас её слова звучат убедительно и холодком проносятся по телу. Батья-Ир поднимается и медленно разворачивается к выходу.

– Откуда вы всё это знаете? – собственный голос звучит будто со стороны. – Покажите, где об этом сказано.

– Эти знания – привилегия рангов. – Батья-Ир разводит руками, и на её лице появляется самодовольная ухмылка, а во взгляде облегчение.

Понимаю. Она добилась цели и рада от меня избавиться.

– Значит, такое уже случилось? – Я следую за ней к двери, надеясь получить ответы. – Зачем им помещать в меня элемент, от которого зависит целостность города? Зачем так рисковать?

– Спросишь у Них. – Батья-Ир на секунду останавливается, оборачивается и вглядывается в моё лицо, будто старается запомнить каждую черту. – Знаешь, я не ненавижу тебя. Наверное, это так выглядит, но моя задача заботиться о благе каждого, и я клянусь девятью Демиургами, что хотела уберечь тебя хотя бы в этот раз.

Тоже мне, святая благодетельница! Думает, после всего я в это поверю? Что значит, хотя бы раз? Она говорит о моих предыдущих воплощениях, о которых я не нашла ни единого упоминания? Чувствую, как по спине бегут мурашки.

– Все мои предшественницы тоже получали артефакт, и вы их поили чёрной смертью?

– Я ведь учила тебя не лезть куда не следует, – теперь она сердится. – А ты лезла назло, противилась Их воле. – Батья-Ир переводит хмурый взгляд на Демиурга, на минуту замолкает и возвращает взгляд на меня. – Каждый раз одно и то же.

– В Башне был единственный выход! Вы думаете, следующая моя реинкарнация поступит иначе? Может, уже выпустите одну из нас?

Батья-Ир уходит. Вопрос летит за ней, но ударяется в за-

крытую дверь. Почему она не ответила? Зачем намекнула про предшественниц? Что-то тянуло их туда, вряд ли чужаки, тайно попавшие в обитель. Может быть, сам артефакт? Но каждый раз его возвращали на место во благо всего города. Сколько раз это случилось? Я не узнаю. Всё повторится, я сдохну, а Батью-Ир наградят, может, повысят до Верховного. Старый-то вот-вот помрёт.

Если она предполагала, что я снова заполучу артефакт, почему не сказала правду с самого начала? Или она надеялась, что благодаря её воспитанию я стану другой и не полезу в Башню?

Сердце бешено колотится. Перспектива узнать вкус «чёрной смерти», мягко говоря, не прельщает. Да и помереть от артефакта тоже не хочется, он останется угрозой даже за пределами обители, если сбежать. Но лучше так, чем отдаться в руки святош.

Нужно бежать к обвалу. Я разберу его по камешку, но найду выход. По крайней мере, постараюсь. А там посмотрим.

Глава 6. Побег

Я собираюсь выбраться и выжить. Какова вероятность найти людей, которые согласятся извлечь артефакт? Если по ту сторону стены есть такие блестящие механики, как Макс, то и лекари должны быть не хуже. Лишь бы религия позволяла удалять священные предметы.

Ужасная мысль о «чёрной смерти» прокатывается холодком по спине и подталкивает действовать. Вынимаю из светильника огарок и подношу к замку, чтобы изучить мудрёный механизм и понять, как его открыть. После побега Макса замок успели поменять – быстро же они. Новый выглядит немного сложнее, придётся повозиться. С помощью Макса было бы проще, он здорово помогал, а в его отсутствие остаётся лишь вспоминать трюки, которыми пользовался он, когда вскрывал замки. При воспоминании о Максе неприятное чувство скребётся внутри. Но сейчас не до этого, нужно сосредоточиться.

Итак, если приглядеться, механизм кажется знакомым, я видела такой в башне Доверенных, когда Макс вскрывал кабинет мастера Силиона. Дерьмо баркачье! Ну почему все мысли скатываются к этому предателю?!

Надо думать о замке. Любой замок проще выкрутить и разобрать, но где взять отвёртку? Хорошо, хоть в причёске полно шпилек, пусть приносят пользу. Более важный вопрос: сколько дежурных за дверью и что с ними делать в случае успеха?

Прикладываю ухо к замку. Дежурных не слышно, снаружи шумит водопад и заглушает всё остальное. Целительный шелест потока словно музыка убаживает слух, конечно, не тогда, когда смерть притаилась за порогом. Сейчас он мешает понять, сколько святош поставила Батья-Ир, чтобы сторожили под дверью, ведь она в курсе о моих талантах.

Стоя на карачках, я разглядываю замочную скважину и сую внутрь шпильку, хорошо, что цепь у оков длинная, не мешает ковыряться в замке. Механизм неожиданно щёлкает, и первую секунду я радуюсь внезапному успеху, но дверь неожиданно распаивается, саданув меня по лбу. Боль пронзает череп и отдаёт в мозг, я отскакиваю.

– Дерьмо баркачье!

Смогла, как же! Передо мной тёмно-синий балахон. Это не Зелиг и уж точно не Мирим, а Безымянный, похожий на здоровяка из свиты Батьи-Ир, который сковывал мне руки.

– Извини. Не думал, что ты торчишь под дверью, – знакомый голос разбивает тишину и, разливаясь по келье, резонирует в стенах и больной голове.

Я лишь держусь за неё обеими руками, чтобы не треснула. Святоша помогает подняться, разглядывает мой лоб, словно

хочет увидеть, какого размера шишка успела вырасти за пару секунд. Быстро удовлетворяется её отсутствием и отходит.

В контражуре я почти не различаю очертаний его лица и понятия не имею, кто он такой: жрец, которого послала Батья-Ир, или любой другой святоша, кому поручили приготовить мне жертвенный алтарь? Неважно. Мы и не должны знать друг друга, и мне, в общем-то, плевать.

Дверь захлопывается. Безымянный, заложив руки за спину, проходит к статуе Демиурга. За ним тянется сладковато-терпкий шлейф благовоний из храма. Я совершенно забыла лёгкий дух коры бальзамового дерева, которую применяют в прощальных ритуалах. Меня сковывает ужас: в храме уже идут приготовления.

Я лишь надеюсь, что жрец скоро уйдёт, а я продолжу своё занятие. Но он не спешит. Не торопится читать проповеди, не заставляет учить ритуальную речь, не рассказывает о том, что меня ждёт, впрочем, со всем этим уже справилась Батья-Ир. Жрец просто задирает голову и долго изучает истукана – любителю грёбаным Демиургом. Совсем как Мирим, он тоже любит пялиться на них часами. Истуканы, конечно, завораживают, и материал, из которого они высечены, необычный – то ли камень, то ли стекло или смола – в природе нет ничего похожего. Будто смотришь в космос через телескоп и видишь проблески далёких миров в черноте, куда нам не попасть. Но момент для любования неподходящий. У меня всего двадцать шесть часов на побег, надо спровадить

гостя, некогда мне. Впрочем, от этого визита я тоже могу извлечь пользу, кое-что выяснить.

– Батья-Ир всю свиту за дверь поставила? – Я нервно перебираю прохладные звенья цепи. Наверняка так и есть, иначе побоялась бы оставить шпильки в моих волосах.

– С чего ты взяла? – не понимает Безымянный.

Он отрывается от созерцания, проходит вдоль стены, задерживается у чаш, зажигая огни: его работа – освещать путь заблудшим. У него необычная для святош манера держать спину прямо, движения чёткие и быстрые. Наверное, Батья-Ир взяла его с севера обители, там пастбища и много физической работы, мужчины оттуда выглядят сильнее остальных. Это у нас на юге тощие гуманитарии и хлипкие интеллектуалы.

– Она ведь боится, что я сбегу.

– А ты можешь?

Ну что за дурацкая манера отвечать вопросом на вопрос?! Это нервирует. Но я ведь тоже могу уходить от неудобных тем.

– Сними с меня оковы. Натёрли уже.

Я протягиваю руки, но святоша игнорирует мою просьбу, хотя у него должен быть ключ. Молча направляется к Демиургу, подходит к нему, усаживается на подушки и ждёт. Чего ему надо? Я сажусь напротив и тоже жду, пытаюсь его разглядеть, но лицо скрыто в тени капюшона. Торчит только заросший подбородок.

– Как он попал внутрь? – интересуется гость.

– Кто? – оторопело переспрашиваю я.

Он указывает на моё запястье. Так его заинтересовал артефакт? Удивительное любопытство. Все прочие шарахались от меня, как от заразной.

– Разве твоя задача не в другом? Убедиться в глубине моей веры, готовности к реинкарнации и всякой религиозной ерунде?

– Скажи, что ты почувствовала? – настаивает он. – Что чувствуешь сейчас?

Вот ещё! Я не собираюсь перед ним исповедоваться. Хотя...

– Если скажу, ты уйдёшь?

– Возможно.

Неопределённость меня не удовлетворяет, и от его недружелюбного грубого голоса мурашки бегут по спине. Но всё же я хочу рискнуть.

– Сейчас ничего. А тогда – будто в меня ткнули электрохлыстом для погона баркатов. – Убираю руки и прячу запястья в длинных рукавах балахона, отодвигаюсь, встаю и указываю ему на дверь. – Я ответила на твой вопрос, так что давай, уходи.

– Хочешь поскорее продолжить ковыряться в замке?

От удивления я открываю рот. Впредь надо быть осторожнее, чтобы снаружи никто не услышал.

– Не бойся, я никому не скажу, что тебе по глупости на-

пихали шпилек в причёску. Если расскажешь, как заполучила артефакт.

Радуетя, что раскусил меня, умник. А я так и не придумала, что буду делать, когда вскрою замок. Даже один дежурный за дверью может быть проблемой.

– А я и не боюсь, – вру, гордо задрав нос, чтобы остаться при шпильках, но не понимаю, какое дело этому шантажисту? Мне нечего скрывать. – Я просто бродила по Башне, искра сама меня нашла. Сходи туда и увидишь. Ты же слышал на этом спектакле, называемом судом, что всё дело в Башне?

– Меня интересует то, что было на самом деле, а не враньё для толпы. Ясно? – Безымянный оборачивается и задерживает взгляд на двери, словно торопится или слышит кого-то. – Выкладывай, раз тебе нечего скрывать.

Ах вот оно что! Неужели кому-то в этой обители есть дело до правды? Это уже интересно.

– Не веришь во вмешательство Демиургов? – усмехаюсь я и тоже таращусь на дверь, будто жду, что она откроется и поманит на свободу.

– Ещё не решил. – Святоша снова поворачивается ко мне: я снова ничего не могу разглядеть под капюшоном.

– Вот как? Интересно. Если расскажу, сделаешь кое-что для меня? – Я тоже умею ставить условия.

– Зависит от твоих желаний.

– Мастер Гиллад болен, и я хочу его увидеть, перед тем как... Ну, ты понимаешь.

Не могу произнести это вслух, как и назвать настоящую причину интереса. Мастер Гиллад справится и без меня. Мне бы выйти отсюда.

– Это против правил, – отрезает святоша.

– Обсуждать с тобой артефакт тоже. Видишь ли, Мастер Гиллад мне как отец. Или мать. – Я пытаюсь точнее выразить своё отношение. Ведь настоящих родителей ни у кого из нас нет, и о том, каково их иметь, мы узнаём из книг. Но есть люди, которых мы любим и о ком заботимся, это важно для всех. – Ты хотел бы успеть попрощаться с тем, кого любишь?

Безымянный замирает, вдруг встаёт, выпрямляется и, кажется, собирается уйти. Но остаётся и, заложив руки за спину, смотрит на меня сверху. Я жду его решения как приговора.

– Услуга за услугу, – сообщает он. – Рассказывай и показывай.

В обмен на возможность свалить отсюда не жалко рассказать.

– На «показывай» мы не договаривались, – замечаю я, но лишь потому, что он всё равно ничего не увидит. Нужен дневной свет. – В Башне были искры. Живые светляки или электрические, без понятия. Летели за мной до самой вершины, а там шёл дождь, и одна из них вдруг бросилась на меня и ужалила. Сначала было красное пятно, но потом под кожей появилась странная геометрическая выпуклость, и Батья-Ир сказала, что это артефакт Демиургов. Мастер Гиллад

решил, что оно меня убьёт.

Поглядев на дверь, святоша снова усаживается напротив меня. В висках стучат барабаны, ведь от его решения зависит моя жизнь. А пока она болтается на волоске.

– Показывай, – настаивает он и указывает на мою руку.

– Хорошо. Взамен отпустишь меня на пути от мастера Гиллада.

Он ведь не согласится! Даже не знаю, зачем прошу об этом.

Но дверь вдруг приоткрывается, и в келью заглядывает дежурный. Моего гостя отзывают и дверь за ним, разумеется, запирают. Дерьмо баркачье!

Дежурный один, других я не увидела. В любом случае без посторонней помощи не обойтись, но я не поняла, вернётся ли любопытный святоша, чтобы выполнить обещание? Глупая мысль, ведь ему придётся отвечать перед Советом. Он не позволит сбежать, поскольку на суде упоминалось, что важно вернуть артефакт в Башню.

Брожу кругами в ожидании чуда. Ни один святоша не станет помогать, всё нужно делать самой. Время за маленьким окошком больше не тянется, как липкая паутина, а несётся со скоростью кометы, и сумрак уступает место ночным светилам.

Я подхожу к двери. Чтобы не транжирить время попусту, старательно ломаю шпильку за шпилькой о замок. Факт, что я его не открою, становится очевиден уже после пары по-

пыткок, но дурацкая человеческая натура требует пытаться и не отступать. Глупо надеяться, что именно в следующий раз непременно повезёт. Но в следующий раз я понимаю, что сломала последнюю и шанса больше нет. Обломки выскальзывают из вспотевших пальцев, и ощущение, будто меня заживо поместили в саркофаг для реинкарнаций, обретает чёткость. Стены давят со всех сторон, я напрасно до заноз царапаю крышку саркофага, сдираю кожу на пальцах, наивно полагая, что сбегу.

Отсюда не выбраться.

Очередной грохот ключа в замке вырывает меня из глубин размышлений, и я готова бежать хоть сейчас, придушить любого вошедшего цепью от оков и выскочить. Но дверь лишь слегка приоткрывается, и в келью вталкивают подставку с едой. Прекрасно. Святоши вспомнили, что в их клетке животное, которое нужно кормить, или решили порадовать перед смертью жратвой. Отпихиваю. Пусть набивают свои желудки, мне тут кусок в горло не лезет, мне выть хочется.

Брожу, пытаюсь открыть оковы обломками заколок. На одной руке это удаётся, замки у браслетов не такие сложные, как у двери. Только вторая остаётся в плену и освободить её уже нечем. Хотя этого вполне хватит, чтобы треснуть по башке охранника или любого вошедшего святошу. Вот это мысль! Макс считал, что если я в опасности, то должна защищаться, и показывал, куда бить, если Зелиг ещё раз полезет ко мне. Сейчас моя жизнь в гораздо большей опасности.

Придётся вспомнить уроки.

Сажусь под дверь, караулю. Руки дрожат. Долго никто не идёт, но я постепенно успокаиваюсь. Всё равно бегу. Надеюсь, книжных познаний о природе Эйдоса хватит, чтобы выжить на материке. Я прочитала все книги, по которым Доверенные готовят подмастерьев, и знаю, как разжечь костёр и определить север.

Даже не замечаю, как мысли уносят в дремоту, а оттуда в необыкновенный город из башен. Он снова вспыхивает, как молния в небе, рассыпается на молекулы и пыль затмевает небо. Всё во мне обмирает. Но обстановка вдруг меняется: незнакомое помещение, меня держат за руку – тёплая ладонь, кожа необычная, бархатистая, тёмно-серая, с шестью пальцами. Что за бред?!

Вскакиваю то ли от кошмара, то ли от случайного скрипа двери. Последняя деталь сна никак не уходит. Такого ещё не было. Видения, о которых говорила Батья-Ир? Тру глаза, пытаюсь убрать наваждение, и вдруг в поле моего зрения вырисовываются очертания святоши. Я вспоминаю о задуманном, интуитивно замахиваюсь и со всей дури бью его железным браслетом, целясь в голову. Он вскрикивает, замирает, схватившись за лицо. Я выскакиваю из кельи и бросаюсь в ближайшие кусты. Тенью шмыгаю в глубину сада и проверяю, не бежит ли кто следом. Руки трясутся, ноги подкашиваются. Даже не знаю, кого я ударила: дежурного, заглянувшего забрать еду, или жреца, который интересовался артефактом

и вернулся продолжить разговор. Надеюсь, любой из них это переживёт. А мне надо спастись. Я почти на свободе, осталось лишь незаметно проскочить к саду.

Ночная мгла старается окутать обитель, но две луны редко позволяют Аллидиону погрузиться в полный мрак, и сегодня ночь ясная, как назло. Свежий воздух будоражит ноздри и проветривает мозги, а такой светлой ночью прятаться будет непросто.

Я почти не дышу, пока пробираюсь мимо кухни, чтобы не попасться на глаза любителям ночных перекусов, которые орудуют там в надежде утащить пару-тройку бутербродов и спереть бутылку вина. ныряю в густую зелень, чтобы отдышаться и прижимаюсь к прохладной стене. Хотелось бы слиться с общей массой, накинуть капюшон и притвориться одной из счастливых святош, но пока на мне белый ритуальный балахон, я выделяюсь, как фонарь в ночи. Снимать нет смысла – платье под ним тоже белое. Остаётся одно – прятаться в тени.

Убедившись, что путь свободен, осторожно пробираюсь к каскадам висячих садов. В сумерках проступают тени деревьев, их раскидистые ветви чертят узоры на фоне небес. Луны-Близнецы серебрят макушки благоухающих сибр. Я глубоко вдыхаю прохладный воздух и ныряю в густые заросли, будто в спасительные воды. Темнота обволакивает меня, скрывая от глаз. В висках пульсирует жар, дышать тяжело, кажется в своём балахоне я скоро сварюсь.

От каждого треска или шороха мурашки бегут по спине, и я бросаюсь вперёд вслепую, цепляясь одеждой за острые ветки, спотыкаясь о корни и обдирая руки шершавой корой. Мне нужен свет, и я нахожу его в оранжерее. Тусклый неоновый блеск высоких хвощей освещает это пространство, превращая его в островок спокойствия среди бушующего моря моих кошмаров. Я забиваюсь в угол между стеклянной стеной и стеллажом с инструментами, отчаянно пытаюсь успокоить дыхание, собраться с мыслями. Звуки остаются где-то вдали, здесь безопасно, но пульс никак не придёт в норму.

Куда дальше? Как найти то самое место в тёмном лесу? Внезапно доносятся голоса. Я настороженно прислушиваюсь: это не погоня, но и не садовник, для него слишком рано или поздно, ведь я понятия не имею, который час. Надо двигаться дальше. Я выбираюсь из укрытия и натываюсь на серый рабочий балахон, висящий на вешалке – набрасываю его на плечи, чтобы прикрыть свой яркий наряд. Теперь я чувствую себя как овощ на сковородке, который жарят в обёртке из плотных листьев. Зато так спокойнее, и голоса вроде бы отдаляются.

Но выдохнуть рано. Чтобы отправиться дальше, нужно чем-то осветить путь. Фонарей тут не найти, зато в оранжерее ставят сетки для насекомых, на них всегда липнут жирные светляки.

Я спотыкаюсь о верёвки лиан, осторожно пробираюсь через них, как сквозь паутину, и направляюсь к крохотному

пятну света, которое с моим приближением становится больше. Хватаю светляковую сетку, наматываю на палку. Этого факела едва хватит, чтобы отыскать в скале дыру, но другого не найти.

Прикинув положение оранжереи, я продвигаюсь к стене, с каждым шагом мысленно умоляя сердце стучать тише. Вслушиваюсь в ночные шорохи. Иногда, сквозь стрёкот насекомых, мне мерещатся шаги и голоса, но это от страха, а вокруг никого.

Прямо передо мной вырастает отвесная скала, врастающая в небо – последняя надежда на спасение. Лазейка должна быть где-то здесь, в роще раскидистых сапт, которая тянется до самой вершины холма, покрытого снегом голубых лепестков. Нужно забраться наверх и всё осмотреть. Я ускоряю шаг и вторгаюсь в заросли сладко пахнущих деревьев.

За спиной раздаётся шорох, сердце сжимается в тугий комок, я медленно оборачиваюсь. Из тени выступает Безымянный, хмуро глядя на меня из-под капюшона. Как он умудрился выследить меня? Как подкрался? Выглядит сердито. Если это тот, кого я ударила его железкой, договориться по-хорошему уже не получится. Остаётся одно – проверить, сколь быстро я карабкаюсь по скалам и сможет ли он меня догнать.

Но прежде чем успеваю сделать шаг, путь преграждает другой святоша с кровоточащей раной на лбу. Вот и ударенный, только в полумраке не разберёшь, кто он. Все Безымян-

ные похожи. Да и какая разница? Я зажата с обеих сторон.

От запаха крови во рту становится солоно, и мне уже не до святош. Пока пытаюсь справиться с тошнотой, тот, что с разбитым лбом, ловко хватает меня за плечо, забирает светильник и, нащупав цепочку с непристёгнутым браслетом, крепко сжимает её. В его руке длинный прут – электрохлыст, инструмент для усмирения баркатов. Я напрягаюсь, хотя мне пока не угрожают. Хуже другое – святоши выследили меня. По светлякам или как-то ещё, неважно. Теперь вернут в келью, и второго шанса на побег уже не будет. Плохо дело.

Глава 7. Эйдос

– Что за выходки, Святой брат? – возмущается ушибленный святоша с кровавой раной на лбу.

Не узнаю голоса. Это не жрец, который приходил, наверное, дежурный.

– Батья-Ир велела стеречь её, а не выгуливать! – Он вдруг тычет электрохлыстом собрату по разуму в живот.

Я вскрикиваю от неожиданности, Безымянный корчится от боли, падает на колени. Баркатам, неповоротливым и толстокожим, эта штукавина как лёгкий щипок, а из человека вышибает дух, жжёт тысячей игл, заставляет мышцы каметь.

– Возьми браслет и надень на него, – командует дежурный, подбирает цепь и суёт мне.

– Зачем? – Я с опаской кошусь на прут, который теперь тычется мне в лицо. На конце опасно мерцает крошечный разряд. – Он тут ни при чём!

– Вы шлялись вместе, а при чём или нет, разберётся Батья-Ир, – фыркает недовольно святоша с разбитым лбом. – Моё дело вас вернуть.

Второй Безымянный святоша приходит в себя от электро-

шока, поднимается на ноги, но получает новый разряд.

– Ничего подобного! Мы встретились здесь, – продолжаю настаивать я, сотрясаясь от напряжения.

Если нас скуют вместе, то побег сорвётся, а этого допустить нельзя.

– Ещё и заговорщики! – Дежурный дёргает цепь и щёлкает разрядом перед моим носом. – Делай, что велено! Живее!

Я нервно кошусь на электрический хлыст: поглядеть бы, кто кого, окажись у меня такой! Медленно надеваю железку на запястье задохнувшегося от боли святоши. Нельзя сдаваться. Нужно что-то придумать. Ударить дежурного ещё раз? Чем?

– Что-то не получается. – Тяну время, нащупывая в траве камень. – Браслет слишком тугой, заело.

– Врёшь! Дай сюда! – Он отпихивает меня, наклоняется и замыкает ловушку.

Не раздумывая, пускаю камень в ход. Только в этот раз вырубить его не удаётся, он лишь хватается за затылок, стонет, но зато упускает хлыст. Я хватаю электропалку и посылаю долгий разряд святоше в плечо. Он дёргается и валится в густую траву. Отлично, в его карманах может быть ключ. Пока шарю свободной рукой по складкам балахона, слышу отдалённые голоса. Скоро сюда набегут другие! Пристёгнутый к моим оковам постепенно приходит в себя.

– Твою ж мать! – сердится он.

– Шевелись, скорей же! – рывкаю я и рывком заставляю

его подняться, угрожая электростолбом. – Сюда! На насыпь!

От спасения меня отделяет лишь груда камней метров десять высотой, от Безымянного – полуметровая цепь. Но преимущество на моей стороне, и ему приходится подчиняться. Только одна проблема – где выход? Есть ли он вообще?

– Поосторожней с этой штукой, – советует святоша, с опаской поглядывая на искорку на конце.

Его голос звучит знакомо – низкий, глубокий – это жрец, который спрашивал про артефакт и обещал мне прогулку к мастеру Гилладу. Впрочем, какая разница? Надо бежать!

– Так веди себя хорошо! – рекомендую я и карабкаюсь по холодным камням, царапая трясущиеся руки колючим плющом.

– Заденешь меня и далеко не сбежишь, – хмыкает он.

Верно, с таким грузом не сбежать, поэтому я убавляю мощность и отвожу прут лишь немного в сторону, чтоб не расслаблялся. Вряд ли ему хочется очередной встряски.

– Хочешь остаться и присоединиться ко мне в качестве сообщника? – толкаю его свободной рукой.

Он качает головой.

– Ты всегда такая злющая?

– Только когда меня хотят убить! Так что заткнись и ищи выход!

– Вроде этого? – Он указывает на пещеру в паре метров над нами.

Вот же шнод! Если не знаешь, что искать, ни за что не до-

гадаешься. С виду просто щель в кустах между камней. Будь у меня выбор, не полезла бы туда, но выбора нет. Толкаю Безымянного первым, некогда заботиться о высокоморальных принципах.

Внутри темно, как в Башне, часть искусственной стены – творение Демиургов – поглощает звук, свет и пространство, словно чёрная дыра, описанная в древней книге. Ни малейшего проблеска в конце. А ещё тут ужасно тесно. От напряжения жар растекается по телу, пульс взбесился, хочется бежать, но получается лишь медленно протискиваться наугад, как в кошмарном сне. Пробираюсь, словно не через толщу стены, а сквозь космическую пустоту, и, кажется, будто выхода нет, и я проваливаюсь всё глубже в безжизненный вакуум. Опасение, что бесконечно толстая стена меня не выпустит, прожигает ум. Приходится оглядываться, но погони нет. Как скоро дежурный опомнится и позовёт остальных? Останавливаться нельзя.

Пещера кончается внезапно, и я вываливаюсь из её плена в полумрак, и наконец словно бы просыпаюсь, продираю глаза.

Мир предстаёт неожиданно белым. Перспектива сахарных вершин сливается с мутными облаками и тает во мгле. По сторонам скалы, впереди пропасть, не видно ни единой стены, кроме той, что позади. Эйдос дышит, завывает в ущельях, бунтует живой, непохожий на выцветшую картинку в пожелтевшем фолианте, врывается холодом в лёгкие, сбива-

ет с ног ледяным ветром, швыряет острую пыль в лицо. От воздуха мёрзнет горло до самых кишок. Сахар тает во рту, превращаясь в воду, только это вовсе не сахар... Снег? В Аллидионе не бывает снега, я только читала о нём. Какой же он необыкновенный и ужасно холодный!

Мысль, что я по другую сторону утопии с надуманным смыслом жизни пробирает до дрожи. Я выбралась из обители! Безымянный и артефакт – последнее, что меня связывает с Аллидионом. Но с ними разберусь потом, сейчас нельзя останавливаться, мало ли кто за нами ползет.

Куда дальше? Конечно, вниз, к подножию горы.

– Страшно? Может, обратно? – пытается переорать завывания ветра святоша, закрываясь рукой.

Это вызов или он издевается? Сам будто и не удивлён тому, где оказался. Или я не обратила внимания на его реакцию, пока стояла, открыв рот. Но пусть не думает, что я испугаюсь и поверну назад.

– Шагай, да поживее! – ору я в ответ, угрожая электрической палкой.

Хорошо, что он боится электрохлыста и подчиняется. Недавний удар ещё свеж в его памяти, а повторения этой боли не хочется. Уж мне ли не знать, благодаря Батье-Ир.

Мы уходим от дыры, стараясь держаться поближе к скале и подальше от обрыва. Всегда думала, что сбегу, но теперь всё кажется сном. Даже Безымянный. Похищать святош я не собиралась, и теперь его незапланированное присутствие

нервирует.

Мою команду «поживее» он воспринимает слишком буквально и начинает шагать так быстро, что я едва успеваю на своём коротком поводке.

– Да ты издеваешься! – рывкаю я, стараясь перекрыть ветер, и одёргиваю цепь.

– Не хочу, чтобы ты замёрзла насмерть и волочилась за мной. – Он придерживает капюшон, чтобы ветром не сдуло, замедляется, останавливается.

– Так отвяжись от меня! – Я кутаюсь в балахон плотнее, иначе он превращается в парус. – Что, не можешь? Шагай и не выпендривайся!

Святоша оставляет это без комментариев, продолжает идти, я на миг оборачиваюсь. Расщелины, откуда мы вышли, не видно, всюду снег. Стылый ветер бьёт в лицо с каждым шагом, и колкие снежинки впиваются в кожу. Разговаривать невозможно, трудно даже открывать рот. Так что я закрываю его отворотом капюшона и натягиваю рукава до кончиков пальцев. Не думала, что мороз – это больно.

Вопреки стихии мы отдаляемся от Аллидиона с его комфортным климатом и флаконом чёрного яда, гребём по колёно в снегу, хватаясь за торчащие куски скал. Я рушу промёрзшими сапогами выстроенные ветром сугробы, не представляя, что ждёт дальше. Хватаюсь за спутанные корни деревьев, чудом проросших в камнях, чтобы удержаться в снежной невесомости.

Святоша иногда оборачивается, будто поглядывает, не потеряла ли я бдительность? Но не дожждётся – демонстрирую искру в ответ.

Впереди, в мерцающей пустоте, остроконечные вершины хвойника прорезают хмурый небосвод, их вязкий аромат застыл на морозе. Глубина ущелья тонет во мраке, протяжно воеет ветер, зубы стучат, и хочется поскорее в тепло. Но будет ли оно? И когда?

Свободную руку сую поглубже в карман, ног почти не ощущаю. Идти мешает цепь, объединяющая нас. Сколько я так протяну?

Мы выходим к уступу над обрывом. Подошвы скользят по замёрзшему камню, сердце ухает в пятки, бьётся, как бешеное, перекачивает адреналин. Оглядываюсь: стена обители потонула в мутной взвеси. Надеюсь, за нами никто не побежит, но это вопрос времени, и нужно быть наготове, учитывая свидетеля побега.

Через пару снежных холмов мы минуем пропасть, и тёмное пятно зарослей, точно щель в аллидионской стене, пропускает нас. Здесь неожиданно тихо, снега нет, лишь влажный полумрак, а воздух наполнен ароматом хвои. Толстые стволы вековых сапт устремляются к небу и густо переплетаются кронами, образуя сплошной узорчатый свод. Он защищает от непогоды и создаёт ощущение уюта и покоя. Капли тающих сосулек звонко падают в небольшие лужицы под ними.

– Девчонки обычно меня не похищают, – ухмыляется мой пленник, отряхивая снег. – Чем же я тебя очаровал, дикарка?

Дикарка? Ну да, похищала я его не самым цивилизованным способом. Хотя он не сильно возражал.

– Очарования в тебе не больше, чем у баркачьего зада, – огрызаюсь я, вытряхивая замёрзшими руками снег из капюшона и рукавов. Ещё бы понять, куда идти.

– Тогда у тебя плохой вкус, – смеётся святоша.

Его словно веселит небольшая заминка, пока я быстро оглядываюсь, чтобы сориентироваться.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой свои вкусы.

Между стволов-гигантов растёт подлесок, биолюминесцентные растения излучают мягкий зеленоватый свет. Земля под ногами усыпана длинными иголками, которые от влажности не хрустят, а пружинят при каждом шаге. Вдоль стволов деревьев мох закручивается по спирали. И как теперь определить стороны света? Это какой-то странный биолюминесцентный мох, в его зеленоватом свечении вьётся мошкара, и мелкие чешуйки шишек осыпаются медленным дождём.

– Что будешь делать дальше? – Безымянный перестаёт смеяться и теперь сосредоточенно наблюдает за мной. Тяжёлое дыхание клубится паром, он тоже устал. – Дрожишь, не можешь отдышаться, ноги заплетаются от усталости. Дай угадаю. Ты напугана до смерти, потому что понятия не имеешь, куда идёшь, с кем идёшь...

– Да! – перебиваю я и указываю в сторону, откуда мы пришли. – Лучше так, чем сдохнуть там!

– Может, хотя бы отдохнём и согреемся? – скалится он. – Я могу разжечь костёр.

Интересно, чем? Но сейчас неважно. В лесу теплее, нет ветра и снега. В низине должно потеплеть ещё.

– Чтобы нас нашли? Ну уж нет!

У меня хватит сил, чтобы идти, пока не окажусь в безопасности. Ведь наверняка Батья-Ир уже знает про побег и отправила погоню. Рассиживаться некогда.

Подталкиваю его, стараясь высвободить кисть из ледяного браслета, если удастся, пусть возвращается куда хочет. Вот только руки замёрзли, и пальцы не слушаются, кисть никак не пролезает через ледяную железку. Каждая попытка освободиться болезненна.

Отвлекаюсь буквально на секунду, и Безымянный выхватывает моё оружие с такой ловкостью, что я не успеваю рта раскрыть. Дерьмо баркачье! Электрический конец победоносно смотрит в мою сторону, подмигивая искрой. Ну как я могла прозевать?!

– Теперь моя очередь командовать, ясно? – Святоша хмуро глядит из-под капюшона.

У меня мороз по коже от его взгляда, так на меня смотрел только хищник с разворота книги, но я не подаю вида, что испугалась. Отобрала электрохлыст один раз, смогу и другой. Главное, выбрать момент.

– Поздравляю! Что дальше? Вернёшь меня Совету, расскажешь, как разделался с гнусной похитительницей святош, получишь блага и прощение за побег?

А я не сомневаюсь, что в этом его обвинят.

– Это ведь так работает?

Теперь он толкает меня вперёд, и я шагаю, отмахиваясь от веток. Да, говнюк, это работает так, но я молчу.

Дальше под ногами появляется лёгкая дымка тумана, хлюпают кочки. Крик ночной птицы разбивает тишину, скрежет стволов, шуршание в кустах – всё будто включается по команде. Мы углубляемся в дебри, назад не поворачиваем.

– Аллидион в другой стороне, – напоминаю я.

– А ещё в той стороне дрянная погода. Хочешь замёрзнуть насмерть?

У него должен быть план. Если мы не можем вернуться тем же путём, то второй вариант – дожидаться Доверенных в каком-нибудь тёплом тайном месте, где они смогут посадить дирижабль. Вряд ли это удастся сделать в лесу, поэтому святоша наверняка постарается привести меня напрямиком Зелигу в руки.

Я не могу сдаться, надо как-то вернуть оружие и избавиться от оков. Стряхиваю с балахона остатки снега и жду, когда святоша потеряет бдительность, отвлечётся.

Наконец, он останавливается, снимает капюшон, и в зеленоватом свечении мха вырисовывается его заросшее тём-

ной бородой лицо. Взгляд настороженный, пугающий, неаккуратные шрамы на левой стороне лица тянутся от виска и теряются в бороде.

Жуткий тип, от одного вида мурашки по коже, и дело не в шрамах, в поведении тоже. Макс назвал бы его бандитской рожей, и хотя в обители таких рож единицы, они и в подмётки не годятся этому. В целом есть в нём что-то неуловимо знакомое. Неудивительно, ведь в Аллидионе все сталкивались хотя бы раз.

– Давай избавимся от цепи и просто разойдёмся? – Не знаю, сработает ли в этот раз, но в келье он охотно шёл на сделки. Но что предложить взамен? – Я покажу артефакт. В Аллидионе соврёшь что-нибудь. Идёт?

Он смотрит на меня, прищурившись, дёргает цепь, разглядывает, сравнивает наши браслеты, и пока я мечтаю о случайно завалявшемся в кармане куске мыла, чтобы высвободить руку из металлического капкана, он вдруг вынимает из складок балахона огромный нож с зазубринами.

Замок таким не откроешь, цепь не перережешь, а вот руку оттяпаешь запросто. У меня деревенеют конечности, и я интуитивно дёргаюсь, чтобы удрать от него подальше, но металлическое кольцо врезается в кисть, Безымянный не пускает.

– Ты чего?! – удивлённо спрашивает он.

Я в ужасе кошусь на нож и пытаюсь вырваться из его хватки, но он держит крепко, и от боли на глазах наворачиваются

слёзы. В одну секунду он швыряет нож куда-то мне за спину, и позади раздаётся стук и громкий визг, но быстро затихает. Я испуганно смотрю на святошу.

– Думала, я отрежу тебе руку? – подмигивает он.

Ещё и издевается! Кого я прихватила, святые баркаты?

– Откуда мне знать? – Отскакиваю на два шага, а дальше не пускает цепь. – Может, на севере вы все шибанутые!

Святоша тянет меня за собой к ножу, выдёргивает его из небольшого чёрного зверька, пришипленного к стволу сапты и вытирает о траву. Зверька подбирает, осматривает. Я отворачиваюсь, чтобы не рухнуть в обморок от вида крови, мне и так уже дурно.

– Зачем ты его убил?

– Чтобы отвлечь кое-кого.

– Кого? – напрягаюсь я, но поблизости никого не видно.

Лесная какофония неожиданно смолкает, уступая место завыванию из глубины. Сердце забивается в пятки, я стараюсь вжаться в ближайшее дерево, будто это поможет спрятаться. Безымянный хмурится, настораживается, поворачивается на хруст ветки, но среди деревьев никого не видно.

– Вот его, – произносит он, зашвыривает животное подальше, прислушивается снова и осторожно тянет меня куда-то. – За нами идёт хищник, если ты не заметила.

Мне и так страшно до жути, и я понятия не имею, что делать. Даже в умных книгах для Доверенных об этом не говорилось. Но здесь повсюду стволы с полупрозрачной корой,

под которой вертикальными рядами движутся тёмные точки. Я читала про такие: если кору повредить, облако спор разлетится на несколько метров. Кто вдохнёт, будет кашлять кровью, умрёт медленно и мучительно. Это могло бы защитить нас от хищника. Но что поможет защититься от спор нам? Плохой вариант.

– Ты можешь его убить? – шепчу я, вглядываясь в темноту кустов.

– Нет. – Святоша дёргает цепь, напоминая, что мы связаны, убирает нож и осторожно продвигается к бледным зарослям мицелия, свисающим со скал и деревьев. – У меня есть идея получше. Но тебе придётся слушаться.

Я киваю, выбора нет. Он ведёт молча, я испуганно оглядываюсь в поисках зверя и краем глаза замечаю пару крупных светлячков. Они то появляются в ближайших кустах, то пропадают, то снова следуют за нами в полутьме густой поросли. Никакие это не светлячки, а глаза, и мой спутник, судя по настороженному виду, придерживается такого же мнения. Он подбирает камень побольше, и я не понимаю зачем, при таком-то ноже. Но вместо ответа святоша хватает меня за руку и дёргает вниз. Мы падаем в грязь, соскальзываем по склону в овраг, Безымянный умудряется швырнуть камень в ближайшее «вонючее» дерево. Позади раздаётся хлопок – лопается кора, выбрасывая в лесную чащу облако блестящих спор. В тот же миг мы скатываемся под выступ скалы, протискиваемся под растопыренные корни огромного дерева и

замираем. Корни паутиной переплетаются над нашими головами, словно шалаш.

– Отличная идея вывалиться в грязи, – бормочу я, потирая саднящее запястье под железным браслетом. – Чуть руку не сломал!

– Ты же сама привязалась ко мне. – Святоша копошится, устраиваясь поудобнее. – И болтаешься, как приманка для ферусов.

– Так это ферус?! – Я с ужасом вспоминаю скромные познания из старых архивов и вздрагиваю. Страшная тварь. – Но вонючее дерево его убьёт?

– С чего ты взяла? Споры скроют наш запах, – шепчет он над самым ухом. – Все хищники хорошо слышат и прекрасно видят в темноте, поэтому замри и заткнись.

Не нравится мне его тон. Я тайком читала книги для подмастерьев Доверенных, запрещённые для остальных, и в курсе о возможностях хищников и ядовитых спор. Над нами самый крупный лесной хищник. Сейчас не видно, но ростом он может быть среднему человеку по пояс, весить до трёхсот килограмм, впрочем, это вряд ли. Таким весом он бы проломил корни в два счёта. Оба его хвоста оканчиваются острыми ядовитыми шипами, что делает зверя ещё опасней, а яд, который почему-то ласково называют молоком, обладает снотворным эффектом и плохо влияет на память.

Но яд на нас не капает сверху, только споры. Закрываю нос капюшоном. Святоша в сердитом молчании проделыва-

ет то же. Что бы он ни говорил, знает, что споры лучше не вдыхать, даже если они не убивают.

Мой спутник уж больно осведомлён о том, что делать и где прятаться. Он тоже читал эти книги? Учился у Доверенных? Подмастерье? Это удваивает шанс, что он просто приведёт меня к ним, и я вернусь в Аллидион, если, конечно, нас не сожрёт ферус.

В тесном шалаше сыро, пахнет плесенью и прелыми листьями. Мы загнаны в угол. Хищник бродит над нами, и едва заметно, мягкой поступью проверяет старые корни на прочность, стряхивая едкие споры нам на головы. Кажется, он и впрямь потерял след. И всё же у меня холодеют внутренности и сердце стучит на весь лес. Ворчание и сопение слышится будто над самым ухом, и я вздрагиваю от малейших шорохов. Секунды тянутся, словно резиновые. Я случайно касаюсь холодного лезвия ножа в руке моего попутчика. В случае атаки феруса нож лучше воткнуть в артерию на шее зверя – в книге говорилось, что это единственное уязвимое место. Но хочется верить, что кровопускание хищнику не потребуется, и он уйдёт. Я жмусь к святоше то ли от страха, то ли из-за тесноты, то ли потому, что так теплее, и я меньше дрожу. От нас обоих разит болотом и тиной, будто споры не перекрыли наш яркий запах. Будет обидно так глупо помереть, едва оказавшись на свободе.

Глава 8. Тоннели

Зверь копошится над нами, роет, фыркает, ворчит. На корнях слой спор намного больше, возможно, именно это его останавливает.

– Надо что-то делать, – бормочу, ёрзая на месте, чтобы сесть поудобнее.

Всё это время каменный выступ упирается в спину, как острые коленки соседок по келье, когда они после ночных кошмаров приползают ко мне под бок. Вряд ли я буду сучать по этим ночам.

– Не надо. Сиди и молчи, – советует святоша. – Он скоро уйдёт.

Пока я стараюсь ощупать камень за спиной, внезапно раздаётся хруст, и прямо перед нами из-под земли выскакивает визжащий чёрный комок. От неожиданности, уверенная, что страшная тварь проковыряла лазейку и ворвалась к нам в укрытие, я подпрыгиваю и бьюсь макушкой о корни. Хищник наверху отзывается сразу, роет корни так, что они трещат, рискуя проломиться. Зверь громко пыхтит и яростно рвёт их в том самом месте, где я ударилась головой. Едкая пыль осыпается на нас. Вот зараза! Безымянный хватает ме-

ня, усаживает на место, зажав мне рот ладонью.

– Это всего лишь грызун! – сердито шепчет он.

– Откуда мне было знать?! – бормочу в его ладонь, и он отпускает.

Я едва дышу, судорожно соображая, что теперь делать, как выбраться из этой ловушки. Сейчас бы не помешало хоть какое-то оружие!

Мой спутник как раз решает воспользоваться электрохлыстом и, ткнув им между корней, выпускает остатки заряда в зверя.

Зверь взвизгивает, его словно парализует. Когда устройство перестаёт искрить, ферус падает и уже не подаёт признаков жизни. В воздухе появляется запах палёной шерсти.

Хищник нам больше не угрожает и от этого становится легче.

– Из-за тебя пришлось его убить!

– Он бы ни секунды не сожалел, разрывая нас на куски!

Святоша бубнит что-то неразборчивое, ругательства, видимо, но я не прислушиваюсь. На мгновение у меня проскакивает мысль, что ударом электрохлыста можно не просто нарушить работу здорового человеческого сердца, но и остановить её. Если Батья-Ир так не хотела видеть на суде мастера Гиллада, могла ли она проделать с ним такое? Уверена, свою конкурентку на пост главной советницы она устранила так же – мастера Катру доставили в клинику как раз в моё дежурство. Батья-Ир заступила на освободившуюся долж-

ность, выждав всего несколько дней, и на её лице не было ни капли сочувствия и сожаления.

– Пора выбираться, – командую я, пытаюсь протиснуться в узкую щель под корнями, но дальше меня не пускают оковы.

На деле не хочется в жуткий лес, но угроза миновала, не сидеть ведь тут вечность.

– Нет. Ты же не думаешь, что это последний ферус в лесу? Дождёмся утра.

Он прав, хищники охотятся только по ночам, если мне не изменяет память. Но эта вонючая туша в слое опасных спор над нами напрягает. Я бы искала новое укрытие, просторнее и почище: огромное дерево с такими корнями тоже не последнее в этом лесу. Но эти аргументы мой спутник игнорирует.

– Костёр тут не разжечь. А я замёрзла и пальцев не чувствую.

Святоша хватает меня за обе кисти и зажимает их между своих ладоней. Я вздрагиваю и бросаю на него испуганный взгляд, но он просто растирает их. Его ладони грубые и прохладные, наши пальцы быстро согреваются и на мгновение становится тепло и приятно.

– Теперь чувствуешь? Надо снять цепь, – напоминает он, отпускает мои руки, выхватывает нож и ковыряет ставший бесполезным электрохлыст.

Пока я продолжаю греть руки дыханием, он разбирает хлыст, вынимает куски проволоки, срезает изоляцию и со-

оружает отмычку. Не знаю, умеет ли он вскрывать замки в полумраке, но, пока ковыряется, я пытаюсь отодвинуться от острого камня за спиной. Нащупываю рукой камень, раскачиваю его сильнее, чтобы выломать, но вдруг проваливаюсь по плечо в пустоту и упираюсь ладонью в нечто гладкое. Сердце уходит в пятки. Под рукой пустота. На ощупь, достаточно большая, чтобы мы в ней поместились, и заворачивается словно труба, уходя в глубину.

– Здесь какой-то лаз.

Я вынимаю камень и ощупываю стены: похоже на металл, но слишком гладкий, без единого шва, заклёпки, и что удивительно, не звонкий. Трубы такими не бывают, по крайней мере, в обители. Куда она ведёт? Я забираюсь внутрь, места достаточно, чтобы встать на четвереньки. На случай если появятся ещё ферусы или какие-нибудь падальщики, привлечённые трупом животного, тут можно спрятаться.

– Ты в своём уме, дикарка? – Святоша дёргает меня за привязанную к нему руку, тянет обратно. – Хочешь, чтобы тебе там башку отхватили?

Нет, но что уж теперь? Тут и так опасность на каждом шагу, куда ни сунься.

– Здесь или там, какая разница?

Я сопротивляюсь, но он вытаскивает меня за ногу и недовольно ворчит:

– Нельзя лезть в непроверенные места.

С этим не поспоришь, но что ещё остаётся? Бездейство-

вать я тоже не собираюсь.

Натяжение цепи вдруг прекращается, она падает на землю, громыхнув звеньями. Но падает только с его руки.

– А с меня снимешь? – Я протягиваю свою.

– Артефакт покажешь?

Вот же шнод!

Шорохи над головой неожиданно усиливаются, и над нами начинается новое движение. Мы оба настораживаемся, моё сердце уходит в пятки. Трудно понять, очередные ферусы это или падальщики, но, кажется, они почуяли и нас. Святоша торопливо подталкивает меня к трубе.

– Лезь обратно.

– А как же непроверенные места? – оборачиваюсь я.

– Заодно и проверим.

Он вынимает нож и забирается в лаз первым. Я подбираю цепь, сую в карман, чтобы не гремела и забираюсь за ним. Мы ползём в полной темноте на слабый свет. Труба кончается быстро, выходит в широкий колодец и обрывается. Светящийся мох на стенах позволяет оценить высоту: до земли пара метров, внизу мох, ветки и гнилые листья.

Святоша прыгает первым, встаёт, отряхивается и осматривается.

– Безопасно. – Он поднимает голову, смотрит на меня в ожидании и протягивает руки. – Не бойся, я поймаю.

– Сама справлюсь!

Тогда он убирает заботливо подставленные руки за спину

и с ехидной ухмылочкой отходит на два шага.

Едва приземлившись, осматриваюсь и понимаю, что через колодец проходит широкий тоннель, который с одной стороны полностью засыпан, а странная труба, откуда я спрыгнула, – лишь часть конструкции из десятка похожих. Что это за сооружение, или чем оно служит в таких дебрях – довольно любопытный вопрос. В любом случае оно заброшено и, судя по всему, слишком давно.

– Где это мы? – удивляюсь я.

– Ты же самостоятельная. Вот и выясни, – усмехается он.

Попал в незнакомое странное место, а спокоен, как баркачиha после дойки.

– Вот и выясню, – уверенно отвечаю я, приглядываясь к входу в тёмный тоннель. Идти туда совершенно не хочется, но больше некуда. – Чем ты собирался разжечь костёр? Сейчас бы свет не помешал.

– Сейчас не помешало бы показать артефакт. – Он демонстрирует свои руки без оков. – Я свою часть сделки выполнил. Твоя очередь.

– Отличное время и место, чтобы обсудить артефакт. Может, сначала выберемся отсюда?

– Может, у тебя его просто нет? – передразнивает он.

Я бы показала ему запястье, лишь бы отстал, но в темноте он ничего не увидит.

– Почему тебя интересует то, от чего шараялся весь Аллидион?

– Ты преувеличиваешь. Самой не любопытно, что за ерунда забралась тебе под кожу, и с какого перепуга её считают священной?

Больше всего мне любопытно, как эту штуку извлечь. Но мысли об этом я оставляю при себе. Выбраться бы для начала.

Святоша достаёт из кармана химический фонарик, похожий на прозрачную трубку, ломает его. Свет тусклый, жёлтый, озаряет коридор, ведущий прочь из колодца. Ну хоть какая-то от него польза.

– Знаешь, свою часть сделки ты выполнил не полностью. – Я показываю ему цепь, свисающую с моей руки. Может, снимешь?

– Зачем? Ты и так неплохо смотришься, – усмехается этот шнод, разворачивается и заходит в тоннель.

И куда же он намылился с единственным фонариком? Ну конечно. Ему предстоит сдать меня Доверенным, так зачем же снимать цепь? Ещё пригодится. Догоняю его и замечаю в полумраке гаденькую улыбочку, которую он пытается спрятать в бороде. Ну-ну. Теперь я с чистой совестью ничего ему не покажу.

Хоть на моей руке цепь, я свободна, могу идти своей дорогой и не бояться, что меня заведут к Доверенным. Но проблема в том, что тут лишь одна дорога, разойтись нам некуда, да и место жуткое – осматриваюсь, и по телу прокатывается озноб.

– Надеюсь, ферусы здесь не водятся, они вроде не пещерные.

– Здесь много других не менее очаровательных тварей.

Я открываю рот, чтобы спросить, но Безымянный, повернувшись ко мне, прикладывает палец к губам, прислушивается. Я тоже слушаю, и пока ничего нового не слышу. Мы торопимся вдоль тёмных стен, удивительно выглаженных для пещеры. Один коридор переходит в другой, потом в третий такой же или, может, всё ещё продолжается второй. В тоннелях нет острых углов, точно, как в наших кельях, в которых так же пусто, если не считать циновок и подушек для сна. Мебель и украшения позволены только Обаккинам, их апартаменты индивидуальны, непосвящённые, вроде меня, приносят им свежие цветы по утрам и раскладывают одежду аккуратными стопочками. А сами ютятся в кельях толпами по десять человек, как зелёные слизи, что встречаются здесь повсюду. Никогда таких не видела: большие, размером с руку от локтя до кончиков пальцев, объедают светящийся мох, и, кажется, будто сами стены колыхнутся, и в тишине разносится лёгкое шуршание и хруст.

В самом конце слизняковой стены обвал, прохода дальше нет. Пока Безымянный топчется на месте, я нахожу небольшую лазейку, но не могу протиснуться между стеной и валуном, выгребаю и выбрасываю камни поменьше, которые застряли в щели и мешают в неё протиснуться. Цепь грохочет на руке.

– Тихо ты! – Безымянный хватает цепь и аккуратно складывает мне в карман. – Здесь веренки. Ясно? – шепчет он.

– Ерунда в сравнении с ферусом, – отвечаю тихо, оглядываясь по сторонам.

– Как бы не так. Не вздумай их разбудить.

Думает, я не читала про веренков? Они живут в пещерах стаями, спят на потолках, свесившись вниз головами, из еды предпочитают падаль, хотя не побрезгуют и небольшими грызунами, если почувствуют запах крови. Но здесь потолка не видно и тишина.

– С чего ты решил, что они тут водятся?

– А ты не чувствуешь смрад?

Я чувствую сырость и плесень, обычный запах для такого места.

Пока я изучаю потолок, святоша вытаскивает оставшиеся камни, подталкивает меня к освободившемуся проёму и протискивается следом за мной. Так, в молчаливом тандеме, мы пробираемся дальше. Пока это единственный путь, и страшно подумать, куда бежать, если нам встретится неизвестный тоннельный монстр или целая стая этих тварей.

– Я работала в архиве. Ты не представляешь, сколько книг я прочитала. – Замедляюсь осматриваясь.

Жаль, что записей про подобные подземелья не встречалось. Но эти идеально гладкие тоннели материалом напоминают стены Башни, только заброшенные и неухоженные. Откуда они взялись?

– Кто много болтает, мало живёт, – бросает через плечо святоша и словно нарочно шагает быстрее.

Я понимаю, надо вести себя тихо, чтобы не разбудить веренков, поэтому молчу. Окажись на его месте Макс, тот болтал бы всю дорогу и злился, что нас занесло в такие дебри. Никакие веренки его бы не остановили. Но мой нынешний спутник осторожный и сосредоточенный. Интересно, он так ловко спрятал нас под корнями благодаря случайности или расчёту? А то, что позволил увести себя от стены и ни разу не оглянувшись, не озвучил «коварные» планы на мой счёт, случайность? Зелиг бы давно предвкушал триумфальное возвращение со мной на цепи, а этот не злорадствует, не ворчит, но цепь всё же отказывается снять.

Опасность миновала, самое время убедиться, что он действительно тот, за кого я его принимаю, и свернуть в другой тоннель, чтобы расстаться.

– Что-то ты подзадержался в подмастерьях.

– В смысле? – не понимает он.

– Ну, ты явно старше Зелига, а всё ещё Безымянный. Когда тебя повысят до Святого брата и выдадут Имя?

Старое имя спрашивать нельзя, поэтому лишних вопросов не задаю.

– Может, мне и так хорошо.

Ничего не отрицает, значит, я на верном пути. Встречных вопросов он тоже не задаёт, не любитель поболтать, видимо.

Мы сворачиваем в просторный тоннель. До потолка мет-

ров пять, столько же в ширину, если глазомер не врёт. Стены идеально ровные, антрацитовые, как в Башне. Они тонут в темноте, из-за чего создаётся иллюзия, будто их нет. Что, если здесь возможное продолжение Башни? Ведь никто не знает, как глубоки её корни, куда ведут и где заканчиваются. Башня построена из такого же материала, как эти тоннели, и насколько известно, на Эйдосе больше нет ничего подобного. Не исключено, что это одно сооружение. Здесь только пахнет иначе – влажным камнем, который достаёшь из горной реки. Вот только воды нет и тихо, кроме наших шагов и дыхания, ни единого звука. Слизняков тоже нет и веренков, судя по всему. Фонарик отражается на глянцевых стенах маленьким бледным пятном, словно кто-то живой движется перед нами. От этого жутко до дрожи.

Я отгоняю страх, высматривая символы, глифы, какие угодно знаки, как в Башне, но пока ничего не вижу. Безмянный замедляется, прислушивается, кажется, перестаёт дышать, и, коснувшись ладонью стены, медленно ведёт рукой по гладкой поверхности, прислоняет к стене ухо. Простым смертным запрещено касаться священных стен аллидионской Башни, а Доверенным очень даже можно. Но что он пытается в ней услышать?

– Ты неплохо здесь ориентируешься, – говорю я святоше. – Тебе знакомо это место.

– Приходилось бывать в похожих.

– Доверенным много где приходится бывать.

Я внимательно наблюдаю за его реакцией, но он только усмехается. Ну вот, ещё одно доказательство, что этот святоша – один из них, только Доверенные бывают снаружи и исследуют окружающий мир.

Что, если эти тоннели – потайной ход в Башню, в те самые её корни, и он ищет обратный путь в обитель? Вернуть меня – его приоритетная задача, и как подмастерье Доверенных, он способ найдёт. Им известно строение Башни и все обходные пути.

– Давай начистоту. – Я преграждаю ему дорогу. – Ты ищешь обратный путь?

– Нет тут никаких путей, – отвечает Безымянный остановившись. – Идём обратно. Будем искать способ выбраться по трубе. Ясно?

Подмастерья могут не знать обходных путей, или он хитрит?

Я совсем запуталась. Не нравится мне его компания, при первой же возможности пойду своей дорогой.

– И как мы заберёмся в трубу?

Рассматриваю стену перед нами. Ничего особенного, на ощупь как древесная смола или труба, по которой мы пролезли сюда. Нет ни единого изъяна, всё как в Башне. Только на уровне моей груди небольшая геометрическая гравировка, похожая на розетку цветка из прямоугольников. Осторожно касаюсь её, и моя ладонь неожиданно притягивается: этот странный магнетизм между рукой и гравировкой длится

как щелчок пальцев. Мороз пробегает по спине, я не успеваю отдёрнуть пальцы, стена перед нами словно бы испаряется, и я падаю носом на землю, как мешок навоза. Неловко. Пытаюсь подняться на ноги уже по другую сторону плиты.

Безымянный делает вид, будто другого и не ждал.

– Несказанное везение, – хмыкает он, проходя следом в открывшийся проход, и протягивает руку.

Я поднимаюсь, игнорируя предложение, и монолит позади нас бесшумно возвращается на место. В Башне я повидала много непонятного, вот и здесь продолжается всё то же самое. Безымянный озадаченно смотрит на меня.

– Везение? Обычно так не бывает?

Он мотает головой.

Мы уходим. В этой части тоннелей не везде темно благодаря слизням, хотя весьма жутковато из-за шороха их челюстей и мерцания усиков. Впечатление, будто они передают огонёк друг другу по цепочке, и это быстрое перемигивание слегка нервирует. Впереди на стенах мох частично съеден и в открытых местах проглядывает подобие гравировки. Наконец-то хоть какое-то разнообразие.

– Тут рисунок. – Я присматриваюсь, но ничего не понимаю. Приходится забрать у святоши фонарик. – Круги, треугольники... Геометрия. Что это значит?

– Ты же работала в архиве, должна знать, – издевается он, разглядывая рисунки, словно в темноте можно что-то разглядеть.

– Я знаю, что мы где-то в корнях Башни, и знаю, что ты собираешься сдать меня Доверенным или вернуть лично. Но обратно я не собираюсь.

– Уверена? – удивляется он, озираясь по сторонам.

Уверена ли я, что не стремлюсь на собственную казнь? Я не собираюсь отвечать на столь глупый вопрос. Вожу фонариком по стене в поисках очередной двери. Светящаяся палка не похожа на настоящий фонарь, и всё же позволяет разглядеть углубления, а в них целые строки вертикальной вязи. Нечто похожее я видела в Башне, гладкие завитки, напоминающие орнамент, располагались там на плите, прикосновение к ним открыло комнату, а потом нас с Максом каким-то чудом выбросило на самую вершину.

Эти строки изящными изгибами тянутся от пола до потолка и частично прячутся под толстым слоем мха, как под одеялом. Хватаюсь за край оставшегося нароста, срываю покров. Мох отпадает целым пластом, но вместо прохода там объёмная гравировка. Узнаю изображение материка, по которому тянутся плавные линии, точно паутина разделяются на множество ответвлений. Напоминает карту идеально выточенных пещер.

– Карта тоннелей, – сообщает мой спутник, сосредоточенно изучая макет, словно пытается отыскать вход в Башню.

Мурашки пробегают по телу от их количества и запутанности. Любой лабиринт ни в какое сравнение не пойдёт.

– Похоже на то, – бормочу я.

Касаюсь холодного камня, в надежде, что перед нами откроется очередной проход, но вместо этого вспыхивает небольшая сфера, вроде мыльного пузыря. Она растёт, с молниеносной скоростью ширится, внезапно останавливается, замирает. Мы оказываемся внутри эфирной миниатюры тоннелей, будто стоим в лучах светила, а вокруг нас висят пылинки, только эти пылинки не простые, а сложенные в чёткое изображение ветки тоннелей. Я поднимаю руку, и она проходит насквозь, но вместе с ней сдвигается картинка, поворачивается плавно, под другим углом. Я подпрыгиваю от неожиданности, отшатываюсь, натываясь спиной на святошу. На его руки световая иллюзия тоже реагирует, и он увлечённо изучает её.

Я помню, что из похожих штук вылетают опасные искорки, лезут под кожу, сидят там и ждут, пока помрёшь. Но сейчас искорок нет. Только макет тоннелей, словно сделанный из воздуха. Либо мы стоим в нём, либо он парит вокруг нас, подчиняясь движениям ладоней и пальцев – поворачивается за ними; если развести руки, увеличивается. И вот только теперь появляются искорки, неподвижные, но ярко мерцающие, будто стараются привлечь внимание. Я настораживаюсь, но святоша тыкает в искорку пальцем, и часть макета приближается и увеличивается, позволяя разглядеть коридор и пересчитать его ответвления. Появляются символы из вязи.

– Надо же! Как это работает? Кто построил тоннели? Кто

повторял за Демиургами?

Святоша на мои вопросы не отвечает, лишь пожимает плечами: его внимание сосредоточено на символах.

Глядя на макет, похожий эфирной формой на звёздную систему из Башни, я всё больше убеждаюсь: тоннели – её часть. Хотя на воздушной схеме трудно понять, как именно они связаны с Башней, и совсем невозможно определить наше местоположение. Я примерно знаю, в какой части материка располагается Аллидион, но как по этим картам понять, где сейчас находимся мы? А Безымянный изучает карту и выглядит так, словно что-то понимает, наверняка прикидывает обратный путь, ведь он должен вернуть меня.

При каждой мысли об этом подкашиваются коленки и холодок пробегает по спине, словно за шиворот заполз один из слизняков. Я вздрагиваю. Мысли вертятся в уме с бешеной скоростью, ищут решение и всё равно возвращаются к тому, что я слишком задержалась в компании подмастерья Доверенных. Без электрохлыста на него повлиять нечем, он запросто сдаст меня Батье-Ир, и каждый из нас получит заслуженную награду. В любом случае мне такой попутчик не нужен, просто я с ним потому, что до судорог боюсь остаться в тоннелях одна. Но лучше обуздать свой страх и оказаться в сомнительной безопасности, нежели рисковать с ним в относительном спокойствии, а поскольку в обители ждёт настоящая смерть, выбор очевиден. Выбираю первое, и пока святоша занят изучением непонятного, отступаю, натываюсь спи-

ной на твёрдый камень, разворачиваюсь и быстро шагаю по тоннелю, не представляя, кудапру. Ноги сами уносят прочь.

Глава 9. Друг или враг

Лучше не смотреть по сторонам, а просто бежать и верить, что выход за ближайшим поворотом. Лучше не представлять, за каким углом притаился монстр, не думать, что поблизости прячется неведомая тварь вроде феруса. Но так не выходит. Я останавливаюсь, словно меня придавило тяжёлым мешком, пытаюсь отдышаться, дышу как можно тише, но воображение рисует страшных чудовищ, крадущихся на звук сквозь темноту. В руке осталась почти невесомая палка-фонарик, благодаря ей видно мшистые стены и гладкий каменный пол. Оглядываюсь по сторонам, слизняков не замечаю, но чувствую, будто они ползают по спине и рукам, и я судорожно стряхиваю с себя то, чего нет. Цепь громко бряцает, я хватаю её и прячу в карман.

Радует одно: теперь никто никуда меня не вернёт.

Из темноты доносится: «Стой!» Замираю, но не по команде, а потому что не хочу, чтобы он меня нашёл: грубый голос Безымянного трудно не узнать, других людей здесь нет. Но я не собираюсь подчиняться. Придерживаю в кармане дурацкую цепь и отступаю в темноту вопреки страхам.

– Не шевелись, – советует голос. Откуда он знает, где я и

что делаю?

– Чего ради? – Шагаю ещё немного назад.

Перед носом внезапно возникает нечто, и я столбенею. Существо размером с двухлетнего ребёнка свисает вниз головой и скалит острые зубы. Кожа серая, морщинистая, на голове, похожей на шишку, множество чёрных глаз и широкая пасть. Длинные руки с волосатыми, почти человеческими пальцами будто предназначены, чтобы хватать. Похоже, именно это оно и замышляет. Грёбаный веренк! Но они не нападают на людей!

Воздух пронзает свист, и нечто, сверкнув, сбивает звериную тушу. Я интуитивно отскакиваю, упираясь спиной в стену. Туша падает мешком мне под ноги, я в ужасе шарахаюсь. Из распахнутой пасти существа вываливается язык. Кровь растекается тёмной лужицей. Кровь!

– Дерьмо баркачье! – слова вырываются быстрее, чем я успеваю подумать. – Ты мог меня убить!

Доверенных учат выживанию в дикой природе, но я не думала, что подмастерья так метко швыряют ножи в крошечной тьме. Впрочем, талантами они не хвастаются.

Я отхожу подальше от крови. В полумраке её не видно, но зато прекрасно ощущается тонкий металлический запах. Меня мутит. Закрываю нос рукавом, вот только это не поможет. Я видела её, почувствовала, знаю, что она здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.